КРОКОДИЛ

№ 30 • ОКТЯБРЬ 1975

— Нет, все-таки на часовом заводе работать было легче!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

С. БОДРОВ, специальный корреспондент Крокодила

НА АРХБУМЕ

ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРА

Знаменитый Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат — первенец первых пятилеток. Именно в ту пору в Вологодскую губернию прибыл агент по найму. Он курил папиросы «Пушка», душился одеколоном и рассказывал, что начинается на Двине небывалая стройка. Условия там что надо.

В тот же день деревенская нянька Фаня Рослова надела жакет, взяла ботинки под мышку и отправилась в Архангельск. Насчет условий агент, конечно, малость приврал, но стройка действительно начиналась небывалая. Народу собралось много. Всем выдали топоры да лопаты, а Фане — кобылу Сивуху. Ляжет, бывало, кобыла в грязь по самое дышло и упорно игнорирует строительство новой жизни. Было горе, и была радость, все было. Здесь выглядела себе Фаня работягу-слесаря Васю Аникеева и родила ему семь сыновей и одну дочь. И росло на глазах еще одно их дите — Архбум...

Младенец вырос в гиганта отечественной лесохимии. Девять заводов, пятьдесят цехов, одиннадцатитысячный коллектив — вот что называют теперь коротким словом «Архбум». Целлюлоза, бумага, картон, фанера, древесные плиты, спирт, кормовые дрожжи — это только неполный перечень его продукции.

— А есть ли успехи в социалистическом соревновании?—спросил я директора комбината В. А. Чуйко.

— Есть,— скромно ответил директор.— И вроде бы неплохие. Тут как раз телеграмма пришла.

Телеграмма с красным грифом «Правительственная» лежала посередине сверкающего стола. Министр целлюлозно-бумажной промышленности К. И. Галаншин поздравлял коллектив комбината с победой во Всесоюзном социалистическом соревновании, присужденнем переходящего Красного знамени и премии в сумме 50 тысяч рублей.

КАК НАДО ОТНОСИТЬСЯ К КАРТОНУ

Мне повезло — по комбинату со мной ходил радушный и знающий человек, секретарь парткома Анатолий Николаевич Макаров.

С высокого берега мы смотрели, как, сердито кряхтя, маленький буксир тащил огромный плот леса.

— За летнюю навигацию надо успеть запастись сырьем,— сказал Макаров.— Стараемся и бревнышка не упустить. Лесники нас не балуют.

Скользя мокрыми боками, гулко ударяясь друг о друга, корявые бревна вылезали из воды. Асы-такелажники играючи работали тяжелыми баграми. «Вот занятие для настоящих мужчин»,— подумал я и услышал:

— Ничего привлекательного здесь нет. Работа тяжелая и непроизводительная. Тут занято около трети всей рабочей силы! А где современное оборудование?

— Не видать...— оглядел я рейд и лесную биржу.

— Правильно. И производство его даже не планируется! — сказал Макаров.

Но адовы машины стоят в древесно-подготовительном цехе. Если ты еловое бревно, сдерут здесь с тебя сначала кору, потом бросят, голое, в барабан, размелют на мелкие щепки и подадут в варочный котел. Там добавят щелока и будут долго варить до нужной мягкости, затем выжмут всю целлюлозу, десять раз прополощут и отбелят, высушат и сунут в бумагоделательную машину. И если обслуживает эту машину бригада Кудрявцева, обладательница приза имени первого бумажника — стахановца Пронина, ничего тебе не останется, как только стать бумагой высшего качества.

Картон делают из сосны.

А картон — это вещь, скажу я вам и для убедительности приведу пример. Миллионы кубометров деловой древесины съедает в стране обычная деревянная тара. Весь мир переходит сейчас на картон. Выгодно, дешево, удобно. Ныне отрасль выпустит полтора миллиона тонн тарного картона. Умные головы подсчитали, что это позволит сберечь столько леса, сколько заготовляет его в год вся Архангельская область. И в денежках тут экономия не в рубль, не в два, а в полтора миллиарда! Так как надо после этого относиться к картону? По-моему, только с большим уважением.

— Зайдем в склад готовой продукции,— вздохнул Макаров.

Склад был доверху забит рулонами картона. Покрытые брезентом, лежали они на улице. Я не поверил глазам: как, неужели никому не нужен этот знакокачественный продукт?

Ох, как нужен! С руками рвут картон покупатели и только просят увеличить поставки.

Но клянчит комбинат вагоны у железнодорожников и решительно гонят его прочь последние. Нет вагонов... Будет порт — будет легче, большая часть продукции пойдет морем. Ну, а пока, особенно в пору бабьего лета, транспортники держат комбинат на чрезвычайно постной диете.

ДАЕШЬ ТРЕТЬЮ ОЧЕРЕДЬ

Сегодня Архбум готовится к мощному рывку: идет строительство третьей очереди АЦБК. С ее пуском комбинат станет выпускать около миллиона тонн целлюлозы в год и станет крупнейшим в Европе.

Махина рождающегося завода раскинулась на рабочей площадке в девяносто гектаров. Третья очередь — это семьдесят объектов, сотни километров подземных артерий, десятки железнодорожных путей, галерей и эстакад.

Стройка ударная, комсомольская и экспериментальная. По соглашению, заключенному в рамках СЭВа, вместе со строителями треста № 4 «Главархангельскстроя» здесь работают две с половиной тысячи болгар. Как начинался этот эксперимент?

Болгарские другари со смехом вспоминают, как пять лет назад на архангельской земле высадился их первый десант — в валенках, в дубленках, с охотничьими ружьями. А на улице была весна, вовсю грело солнце, и девушки в летних платьях отрывали лепестки ромашек.

В бригаду Владимира Анциферова пришло восемнадцать «зайцев» — так в Болгарии называют новичков. Бригадир дал им сразу самостоятельную работу и потихоньку присматривался, что же из них получится. «Зайцам» было у кого учиться. Немногословен и головаст был потомственный архангельский плотник Анциферов. Как бог, владел он топором, мертвым узлом вязал арматуру, разбирался в любой технике.

Однажды чуть не случилась авария — неожиданно пополз грунт. Объект стоимостью в сотни тысяч рублей вот-вот мог рухнуть. Бригадир молча полез под колонну и стал укреплять бетон. Новички освоились быстро.

Вскоре на конкурсе штукатуров победил болгарский мазач Иван Фердинандов, в укладке полов не было конкурентов у комсомольско-молодежной бригады Славчо Тонашки, а ученик Анциферова Паунов сам стал бригадиром и вызвал на соревнование учителя. И до того досоревновался Ангел Петров Паунов, что получил за доблесть серебряный «Народный Орден Труда»...

Пошел обмен опытом. Архангельцы крякали от удовольствия при виде качества отделочных работ, а болгары узнавали про злобинский метод и липецкую кладку. Цель у всех была ясная.

Рядом с нашим:

«Даешь третью очередь!» висел плакат:

«Български строители! От продукцята на АЦБК нашата Родина ще получава по 25000 тона избелена целулозе годишно. Повишавайте темповете на строителството!»

Болгарский язык понятный. А тут и тем более. Вместе строили, вместе будем и пользоваться.

ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ...

Ох, тяжело было отдавать замуж свою единственную дочку капитану милиции Александру Николаевичу и его супруге Ольге Федоровне!

— Как фамилия? — хмуро спрашивал капитан милиции жениха.

— Цанов Цанко Николов,— с готовностью ответил молодой гость, специалист по мозаике и страстный любитель детективной литературы.

— Где родился?

— В городе Пирдобе.

— Сроду не слышал про такой город,— бормотал капитан милиции, ставя на стол соленые рыжики.

И причитала на всю квартиру Ольга Федоровна:

— Да что же ты нашла в нем?

— Красивый...— шептала дочка, глядя на суженого.

Ныне, когда будут угощать вас в этом доме пирогом с брусникой, то покажут сначала любимого внука Колю, затем начнут хвастать студентом-заочником зятем, потом расскажут о достопримечательностях города Пирдоба и под конец вы услышите:

— Непременно заходите в субботу, будем вместе праздник справлять!

— Да какой же в субботу праздник? — станете недоумевать вы.

— Как же! День славянской письменности! — воскликнут хозяева.

По вечерам на Архбуме звучат песни Лили Ивановой и Владимира Высоцкого и репетируют самобытные таланты, которые то и дело обнаруживаются среди строителей. Тут уверены, что Йордан Гривнев выступает не хуже Кобзона. Правда, долгое время скрывал свою настоящую личину каменщик Македонский. До того ловко клал стены известный болгарский писатель Македонский, что разоблачили его только тогда, когда узнали, что готов уже роман об Архбуме.

ПЕРЕД ПРЕМЬЕРОЙ

В этом году строители, монтажники и эксплуатационники взяли совместное обязательство — в день, когда комбинату стукнет тридцать пять лет, провести на третьей очереди пробную варку.

Ради этого дня без устали, выполняя норму на полтораста процентов, работала опытная бригада заслуженного строителя РСФСР Сорокина. Но не отставал от нее и начинающий коллектив гепетеушников, который возглавляла Люба Лира. И один за другим сдавал жилые дома Герой Социалистического Труда Антоновский.

Славой покрыли себя монтажники. Сенсацию вызвали орлы из бригады Коршунова, когда сэкономили семьдесят тонн металлоконструкций и за полтора месяца вместо четырех воздвигли печь. Не ударил в грязь лицом и признанный виртуоз Румянцев, смонтировав котел «Камюр» шведской фирмы «КМВ», еле уместившийся в двадцатипятиэтажном здании цеха.

Сутками не выходили из цехов и эксплуатационники Зименс, Иванов и Матушкин — на всех отметках ревизировали оборудование.

И день этот настал. Вы только представьте себе, что это значит — в первый раз запустить всю эту громадину, положить в нее бревно и получить целлюлозу! На вахте стояли лучшие варщики страны. И когда из машины вышла первая целлюлоза, то победителей попросили поставить на теплых листах свои автографы и вручили болгарские розы, доставленные специальным самолетом из Софии.

Это был праздник. Но все-таки это была еще не премьера, а генеральная репетиция. И после нее наступили напряженные будни. Пуск третьей очереди — декабрь нынешнего года. Работы еще — через край.

Что же беспокоит сейчас архбумовцев?

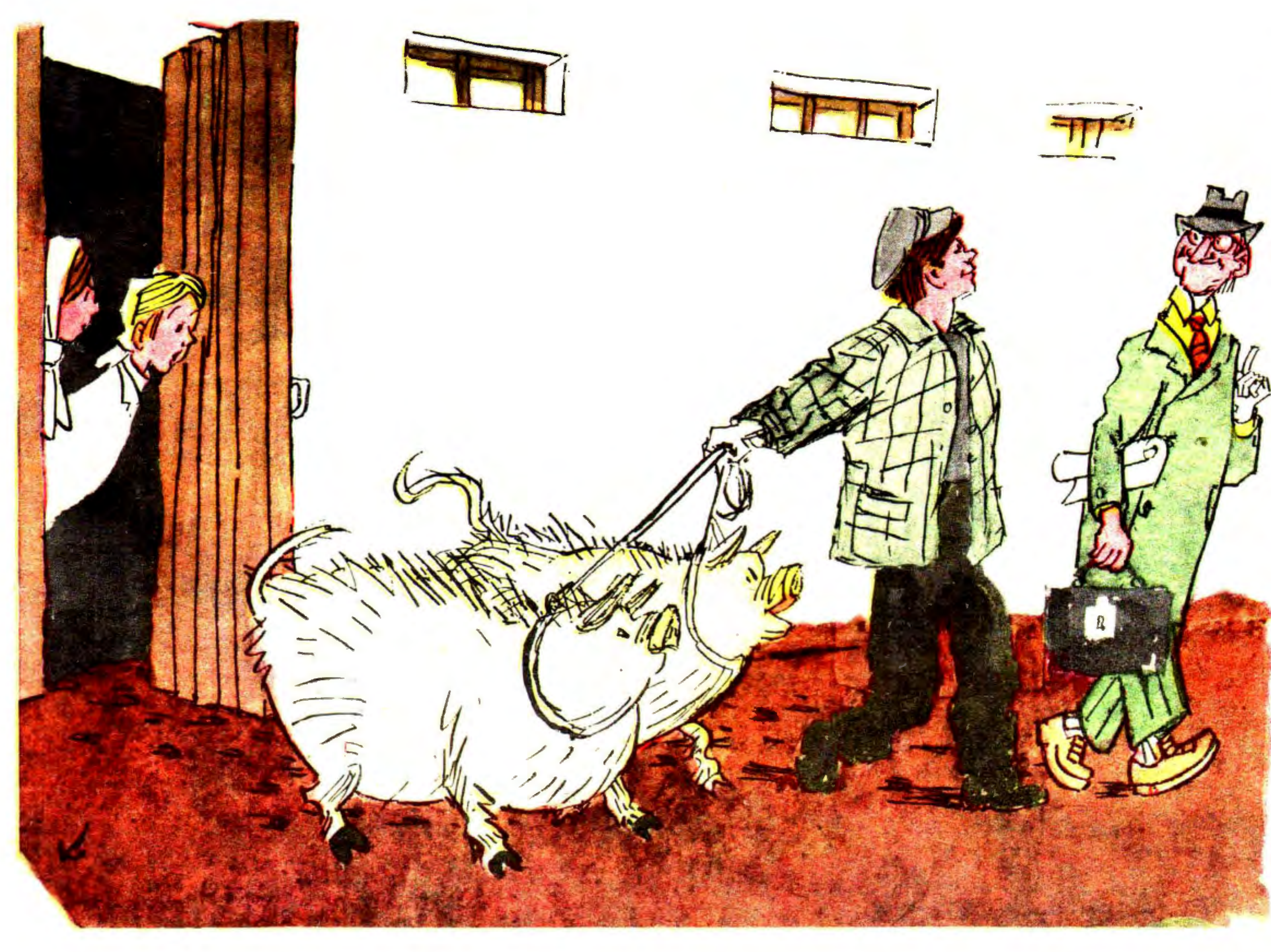
— Нужен цемент! — говорят орденоносцы Анциферов и Паунов.

— Срочно требуется грузоподъемное оборудование,— говорит монтажник Румянцев.

Поставщиков у третьей очереди — сотни.

Думается, что просьбы эти надо обязательно уважить.

Архангельская обл.

— Председатель для гостей лучшую породу вывел.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

ТАЙНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

РОКОВОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

ПОГОНЯ ЗА БРИЛЛИАНТАМИ

И другие вполне невероятные, но реальные события на стр. 6—7

Вадим ПОЛУЯН

В ДЕРЕВНЕ ДАЛЬНЕЙ...

В деревне дальней крыши ржа прогрызла.
Внушает председатель, как назло:
«Здесь крыши ремонтировать нет смысла —
У вас неперспективное село.
Я поселю доярку, тракториста
В домах, где будет сухо и светло,
В селенье, где не тридцать изб, а триста...
Ах, каплет? Так на это есть ведро!»

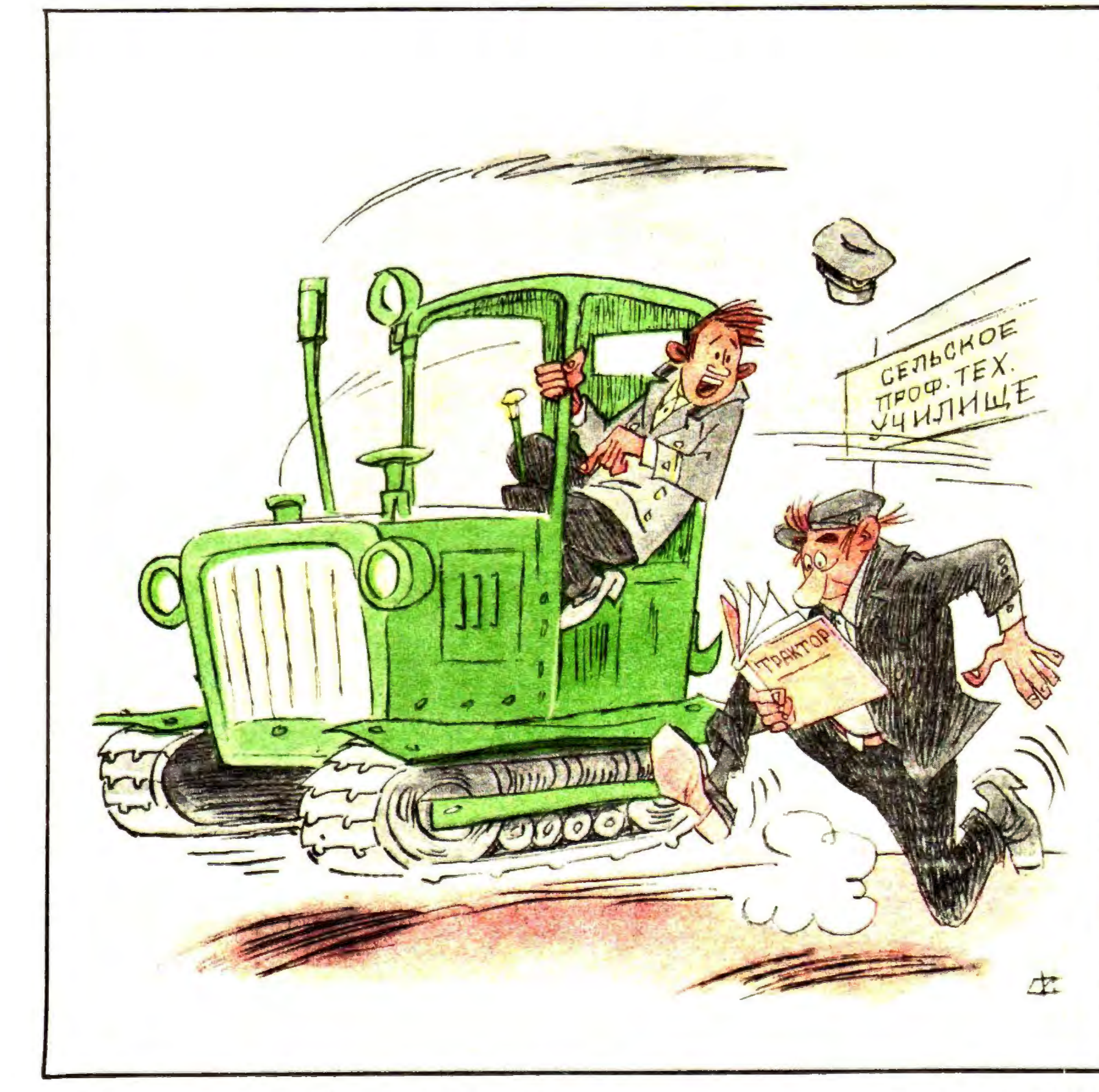
Иссяк колодец в деревушке дальней.
Поклялся председатель-доброхот:
«Устроитесь вы завтра капитальней,—
Газ, мусоропровод, водопровод...»
Хозяйки ждали, позабыв о гневе.
Над избами — морозы ли, жара ль —
Тоскуя и скрипя, маячил в небе
Беспомощный колодезный журавль.

В далекой деревушке свет погас,
А председатель возразил на это:
«Увидите вы завтра море света,
Блеск телевизоров, кинокартин показ.
В апартаменты люстры к вам затащат,
Забудете о нынешнем нытье.
До лампочки ли мне при этаких задачах?»
«До лампочки!» — сказали в темноте.

Закрыт ларек. Ни сахару, ни соли!
Даречница, забив окно доской,
В сердцах сказала: «Враг себе я, что ли,
Чтоб в развалюхе мерзнуть день-деньской?»
Примчался председатель, крикнул: «Завтра —
Дом быта, ресторан, универсам...»
Но ни доярки, ни механизатора.
Сбежали все.
Свой «завтрак» кушай сам!

Остался с колотушкой сторож древний.
Рад председатель: «Объяснюсь хоть с ним!
Досуг ли заниматься той деревней,
Которую мы завтра упраздним?»
Дед слушал все дремотней, все зевотней.
В конце концов он разрешил спор так:
«А как насчет того, чтобы сегодня
Побыть в тепле, помыться в день субботний
И поболеть безвредно за «Спартак»?»

ВЫПУСКНИК

— На что давить, чтобы он остановился?

Рисунок И. СЫЧЕВА

«У меня отложение солей в верхней части позвоночника. Не могу наклоняться. А окошки в регистратурах, как на грех, на уровне живота. Верите, хочешь не хочешь, чтобы заглянуть в них, приходится становиться на колени...»

(Из письма в редакцию читателя Н.).

ВОТ ТАКИЕ МАКАРОНЫ

Верим. Сами частенько гнемся в три погибели перед этими же самыми окошками регистратур, справочных, касс и т. п. И не можем взять в толк, почему порой так низко врезают эту самую дырку величиной чуть больше входа в скворечник. В нее-то мы, перекособочив лицо и свернув набок шею, постоянно пытаемся просунуть свою голову.

Для удобства кассира, регистратора? Да, верно, он сидит, а мы стоим. Вот и выходит: хочешь записаться на прием к врачу — наклонись, хочешь купить билет в театр — наклонись, хочешь куда-то поехать — наклонись...

А иной милый чинуша, сидящий за этим окошечком, возьмет и вообразит, что кланяются не окошку, а ему лично. И вот он уже смотрит на клиентов суровым взором, покрикивает на них. Нет, это не злоупотребление властью (ведь он, как говорится, ничего с этого не имеет — только тешит свой нрав). Это — упоение властью. Это административный восторг. Это кураж. Попал человек на минуту в зависимость от ретивого администратора — уж тот заставит просителя гнуться без всякого окошка. У него просто — чем-то ему не потрафил, тут же даст от ворот поворот. Он и грубить не будет — зачем? — а так, даже не повернув головы кочан, буркнет что-нибудь вроде: «Мест нет», «Билетов нет», «Вашего размера нет»... Поди-ка проверь. Это еще хорошо, если хоть что-то скажет. А то и промолчит. Ему не до тебя. Он как бы на пьедестале.

Свидетельствую. Пишет А. А. Батин из Череповца: «Приехал я в деревню Шедча, Уржумского района, Кировской области. Зашел в магазин, прошу отпустить килограмм макарон. Продавец Б. В. Банников отмахнулся: «Некогда мне. Приходи завтра». Пришел назавтра к концу перерыва. Жду. Наконец спустя час с лишним явился продавец. Спрашиваю: «Почему задерживаетесь?» Отвечает: «Не твое дело. Не суй свой нос, куда не следует». Снова прошу отпустить макарон. Видно, не понравилось мое замечание. «Макароны в ящике,— говорит.— Открывать сегодня не буду...» И выразительно посмотрел на меня: «Ну, что, съел?»

Способов унизить другого, дабы самому вознестись на мнимый пьедестал, великое множество.

Свидетельствую. В регистратуру профсоюзного санатория Рижского взморья в приподнятом настроении зашла пожилая супружеская пара, улыбаясь, поздоровалась. «Подождите за дверью! — сухо ответила дежурная, молодая остролицая женщина.— Не видите, я занята». Огорошенная пара ретировалась из кабинета. Спустя десяток минут пожилые супруги вновь зашли. На этот раз не столь уверенно и смело. Дежурная не предложила им сесть и сама не встала. «Поселить вас вместе не можем,— отрезала она недовольным тоном.— Семейным отдельных комнат мы не выделяем». Хорош приемчик, не правда ли? Супруги стали дружно просить: «Уж вы пожалуйста. Очень вас просим...» «Ну ладно,— молвила дежурная, свысока глянув на страждущих.— Попробую что-нибудь для вас сделать. Зайдите через два часа». А ведь лукавила она: комнаты для семейных в санатории были. Очень ей хотелось, чтобы они почувствовали ее власть, чтобы хорошенько попросили.

Иной ретивец с гипертрофированным представлением о собственной личности становится настоящим маленьким диктатором. От его служебного ража страдает не только достоинство других людей, но и дело.

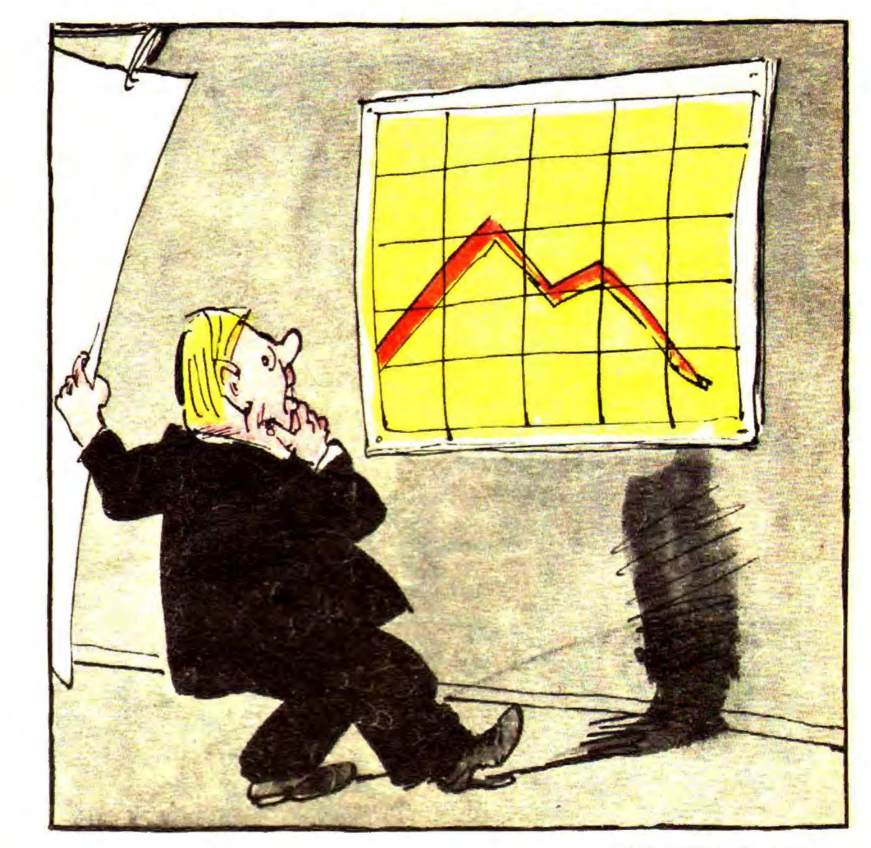
Свидетельствую. Представитель стройки рвался к начальнику управления. Тщетно пытался он убедить секретаря в неотложности и важности своего визита. Тот был непоколебим, как скала, и ни под каким видом не хотел ни пропустить посетителя, ни доложить о нем. Не понравился.

А приходилось ли вам, читатель, обращаться вроде бы как к живому должностному лицу и вдруг обнаруживать, что перед вами не человек, а истукан с этаким уксусно-кислым выражением лица: «Да отвяжитесь вы от меня!» По роду службы он вроде бы и обязан вас обслужить или решить ваш вопрос, но, чу, с каким неудовольствием, подчеркнутой неохотой, а то и с пренебрежением он сделает это. Причем если не словом, то всем своим видом, ужимками даст понять, что вы самая настоящая букашка, полное ничтожество, недостойная внимания пешка...

Откуда берется этот форс, это самомнение на мнимых пьедесталах? Ведь пьедестал хорош для памятника, а не для живого человека.

Свидетельствую. Этому не учат ни в одном учебном заведении. Этому учатся в порядке подражания дурным примерам. К этому приходят в результате собственной распущенности и отсутствия контроля со стороны коллектива.

Фельетонист

МАСКИРОВЩИК

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Как по писаному...

Начальник дорожно-строительного района № 3, что в поселке Б. Нимныр, Якутской АССР, Н. А. Кириллов вскрыл полученную из управления дороги Большой Невер — Якутск посылку и обнаружил в ней аккуратные стопки бланков индивидуальных обязательств.

— Вот что значит не пускать соревнование на самотек! — восхитился Н. А. Кириллов.

Действительно, отпечатанные типографским способом бланки значительно упрощали составление личных творческих планов. На титульном листе было выделено крупным шрифтом «ОБЯЗАТЕЛЬСТВО», а чуть ниже имелись специальные графы «Тов.» и «Профессия-должность».

Правда, заполнить вторую страничку типографского бланка было несколько труднее. Начиналась она вроде бы просто: «Я, ——— беру на себя повышенные обязательства»,— но дальше были лишь строчки.

— А здесь может петрушка получиться,— забеспокоился начальник ДСР-3.— Один напишет все складно и правильно, а другой — какую-нибудь околесицу...

И вдруг Кириллов просиял. Он вспомнил свое почтовое отделение, где на стене были вывешены бланки денежных переводов и посылок с образцами заполнения. Там было все тщательно разжевано: «Кому? — Иванову А. И., от кого? — от Сидорова И. А.»

И начальник ДСР-3 по примеру заботливых почтовиков решил создать тоже что-нибудь вроде шаблончика.

— Вот если бы я был, к примеру, не начальником,— стал рассуждать он,— а старшим товароведом Сверкуновым. Какие бы я взял на себя обязательства?

Начальник ДСР-3 придвинул к себе бланк и приступил к заполнению. «Свиркунов Инокентий Диментьевич», — с тремя грамматическими ошибками вывел он на лицевой стороне первой страницы. И далее: «Обязуюсь регулярно снабжать»; потом зачеркнул слово «снабжать» и старательно вывел: «Изыскивать и снабжать все строящиеся объекты всеми строительными материалами с целью недопущения простоя строительных бригад из-за стройматериалов».

— Ну, разве старшему товароведу придет на ум написать «с целью недопущения»? — удовлетворенно потер руки Кириллов.

Формулировка второго пункта родилась без мук. Вот она: «Обязуюсь повседневно контролировать правила складирования и хранения материальных ценностей... с целью недопущения порчи и хищения их».

Прочитав написанное, начальник отнесся к своему творчеству весьма критически. Повышенные обязательства, как ему справедливо показалось, не выходили за рамки служебных обязанностей. Но и тут Кириллова осенило.

«Обязуюсь отработать,— размашисто написал он,— на массовых субботниках и воскресниках 3 дня для заготовки кормов для скота и благоустройства поселка».

Покончив с личным творческим планом старшего товароведа Сверкунова, Кириллов увидел в окно монтера связи И. Данилюка и торопливо придвинул к себе еще один бланк.

«Обязуюсь регулярно вести профилактические ремонты линии связи,— перевоплотившись в монтера, увлеченно строчил начальник ДСР-3,— с целью недопущения перебоев в обслуживании связью...»

Потом Кириллов расписал, как по нотам, кто с кем будет соревноваться.

— А кого, например, вызовет на трудовое соперничество телефонистка Кустова? — почесал в затылке начальник.— Ага, телефонистку Мулину. А Мулина? Кустову...

Затем образцы личных творческих планов были вывешены на доске приказов. И рабочим ДСР-3 с «целью недопущения» непроизводительной затраты творческой энергии предложили переписать их на чистые бланки.

Пусть себе соревнуются по шпаргалкам.

В. КАНАЕВ.

Отзывчивость без гарантии

Вы знаете, что такое экспонометр? Это такая хитрая машинка, без которой не может обойтись ни один мало-мальски уважающий себя фотокорреспондент, кинооператор и даже фотолюбитель. Экспонометр же «Свердловск-2» занимает достойное место среди своих собратьев.

Но вот что знаменательно: «Свердловск-2» без 3.ЦР-53 — это кусок жести. Потому что 3.ЦР-53 есть не что иное, как питание экспонометра.

И теперь, когда вы все это знаете, вам несложно будет понять отчаяние жителя Днепропетровска тов. Рубана, который обнаружил, что его горячо любимый, недавно купленный «Свердловск-2» не действует. Вышло из строя питание. Что делать?

Тов. Рубан, естественно, ринулся в магазины.

— Хочу,— прямо так и говорит,— купить 3.ЦР-53!

А ему спокойненько отвечают:

— Ишь вы, какой быстрый! Многие хотят, да не могут. Не поступает 3.ЦР-53 в продажу.

От отчаяния сел тов. Рубан за стол и настрочил слезное письмо в Министерство торговли РСФСР. Мол, выручайте, дорогие!

И что же? Выручили. Проявили отзывчивость. Прислали наложенным платежом комплект питания. Тов. Рубан был вне себя от счастья. Он был готов петь «Славься» — Министерству торговли, Посылторгу и лично зам. начальника этой организации Ф. И. Богиничу.

Но недаром говорится, что никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Вскрыл фотолюбитель дар Посылторга и загрустил: у присланного питания давно кончился гарантийный срок.

М. К.

Сергей СМИРНОВ

Короче короткого

РЫБА-ПРИЛИПАЛО

(Басня)

В плеяду избранных попала
И не теряется опять:
Ох,
знает
Рыба-Прилипало,
К кому-чему
Ей прилипать!

ОТКРЫТИЕ

Узрелось,
Взяв поэта
в целости,
Что это
Зрелость
недозрелости.

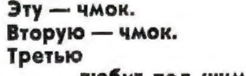
УЛЬТРАСТИХОПИС

(Рецензия)

Чем
грешат
его творенья —
Ультрамодные труды!
Это
тоже
засоренье
Окружающей
Среды!

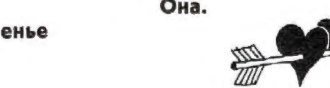
БУКВО-«Я»-ЧЕСТВО

Стойт, довольства не тая,
Мол, «нас ничем не удивите»!
Себя
считает
буква «Я»
Правофланговой
В алфавите.

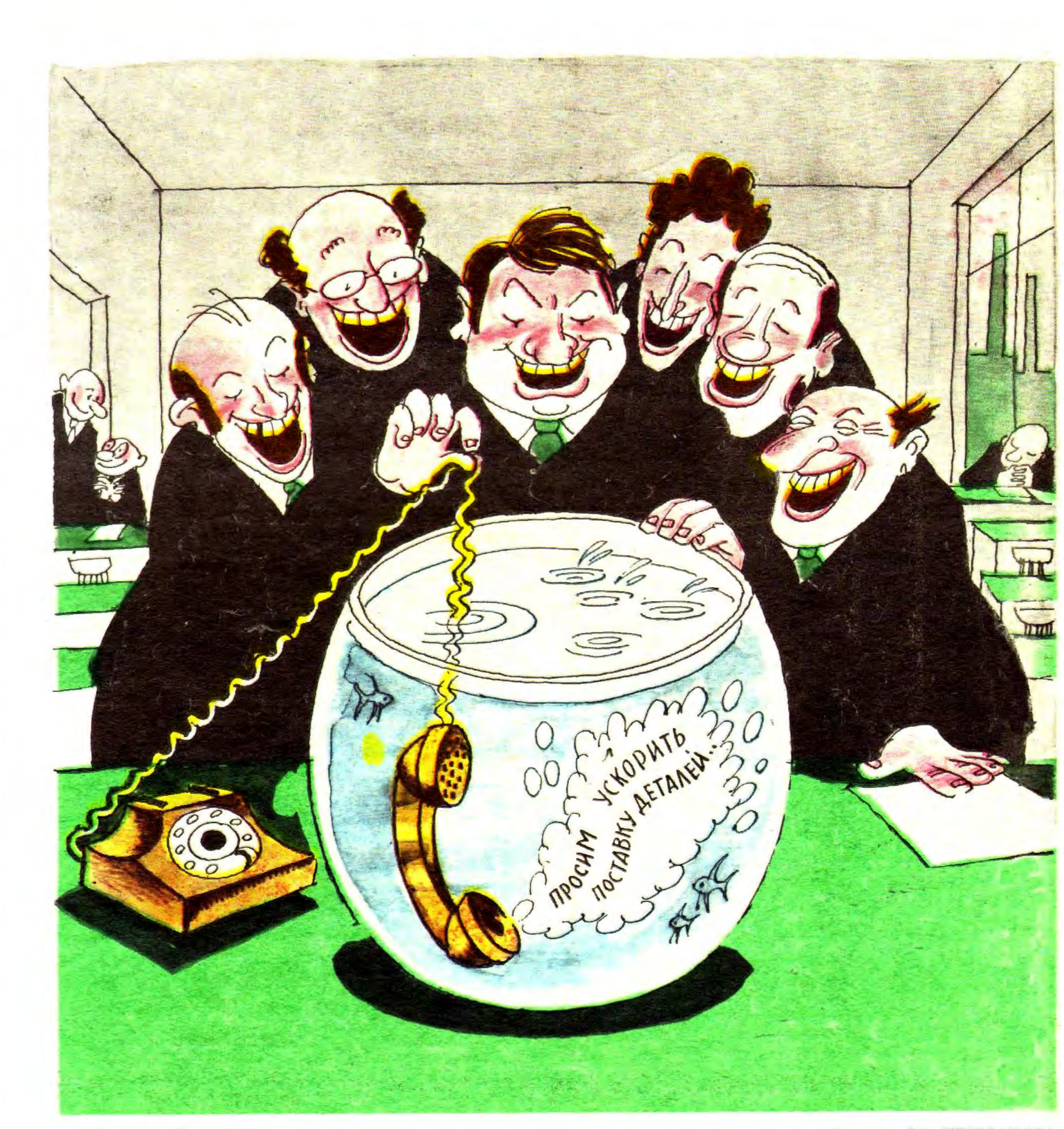

СТРЕКОЗЕЛ-МНОГОЛЮБЕЦ

Эту — чмок.
Вторую — чмок.
Третью
любит под шумок.
Суть любви его одна:
Стрекозлиная
Она.

— Пусть побулькает.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

С. СОЛОВЬЕВ, прокурор г. Ленинграда,
А. ХОДАНОВ, специальный корреспондент Крокодила

ТАЙНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

Уже с вечера разбушевался ураган, набросился яростно на притихший поселок Ушаки, Тосненского района, тряс оконные рамы, силясь выдавить, отдирал от крыш листовое железо...

— Быть беде!..— говорили старожилы, задвигая двери на засовы.

Пыльный смерч взвился кверху и засыпал звезды, еще видневшиеся в провалах меж тучами, отчего наступила кромешная тьма, в которой рев перемешался со стонами, и у одинокого путника, неуверенно, по стенке пробиравшегося из гостей домой, от жути заломило в коленках. Устав бороться со стихией, путник в изнеможении прислонился к одному из домов, заглянул машинально в окно и вскрикнул...

Посреди обширной и богато убранной комнаты он увидел гроб с мертвецом, а подле четыре черные зловещие фигуры, окаменевшие, со скрещенными на груди руками. Вот одна из фигур, словно почувствовав взгляд, резко повернулась к окну, и путник, в груди которого все рухнуло и осыпалось, узнал в ней Павла Константиновича Гусева, атлетически сложенного и весьма популярного в последнее время в поселке мужчину.

В следующий миг одинокий путник, позабыв про хмель и затекшие коленки, припустился по улице с такой быстротой, что, окажись рядом компетентная судейская коллегия с секундомерами, был бы зафиксирован мировой рекорд по бегу на сто метров.

— Пора! — сказал Гусев, с неудовольствием проводив глазами беглеца.— Повторяю: пока никому ни слова!

Три молчаливые фигуры согласно кивнули, потом к дому подкатила машина, гроб поспешно погрузили, и печальная процессия исчезла.

Для того, чтобы понять, в чем смысл этого тайного погребения, бросим взгляд в недалекое прошлое...

В ПОИСКАХ РАДОСТИ

Проблемой молниеносной житейской карьеры занимались многие умы. Старик Эдисон указывал когда-то на 99% пота и 1% ума, но скорее всего это были красивые слова, да к тому же он, говорят, имел в виду гениальность. Дюма-отец указывал на острую шпагу и гасконский темперамент. Бальзак — на приятную наружность и хорошие манеры, которые, как известно, выразительнее слов. Достоевский, рассуждая о причинах успеха, подчеркивал важность удачного стечения обстоятельств.

Пожалуй, последнее-то и можно будет считать главным в случае, о котором мы сегодня расскажем.

Жил-был в маленьком поселке Ушаки, Тосненского района, Ленинградской области, скромный шофер Ленинградского производственного объединения грузового автотранспорта № 1 Управления «Ленстройтранс» Гусев. Правда, слово «скромный» относилось более к его должности, ибо сам он был мужчина собою видный, один из таких, кого не обидела матушка-природа ни внешностью, ни голосом. Умел Гусев и поговорить красиво, умел и за себя постоять, умел уважительный страх к своей особе внушить, и кое-кто даже говаривал, что во взгляде его было нечто гипнотическое.

Но хотелось большего. Хотелось, скажем, сесть на личную машину и дунуть в Сочи, где в обществе очаровательных блондинок поглощать в ресторанах люля-кебаб и глушить родимую. Хотелось щеголять в голландских джинсах огненно-рыжего цвета, иметь дома бар, где бы искрились созвездия дорогого коньяка. Грезилась яхта, бесшумно скользящая по стекловидной поверхности Финского залива, и он в ней, одетый в шикарный белый фрак и шиловидные лакированные штиблеты. И многое другое в таком виде, в таком разрезе.

Но все эти удовольствия, как известно, хорошо видятся только через крупные дензнаки. Однако в этом направлении дела его обстояли совсем неважно. И поскольку возможность больших заработков упиралась в учебу (повышение квалификации), опять же в труд, в дисциплину, самоотдачу, энтузиазм, а ничего этого в натуре его не было ни грана, положение Гусева можно было назвать попросту безнадежным.

Надеяться на клад или ценную находку было смешно, так как все клады уже найдены счастливчиками бульдозеристами и минерами, а кошельки, набитые золотыми дублонами, на асфальте и проселочных дорогах давно не валяются, и даже утерянные сберегательные книжки являют собой пустую бумажку, ибо признаются недействительными.

ОЗАРЕНИЕ

Это произошло немногим более трех лет назад, жарким летним днем 1972 года, и случилось как раз в те тягостные минуты, когда шофер Гусев неверным шагом добирался домой и никак не мог добраться. Словно кто-то схватил его за шиворот (уж не дьявол ли?) и повернул в сторону внушительного дома, на участке которого одиноко стояла «Волга».

— Идиот ты, Пашка! — яростно прошипел Гусев.

Пока Гусев клянет себя последними словами, посетим ненадолго этот дом...

Все здесь добротно и фундаментально, на всем печать достатка и семейного уюта, хотя семья здесь и распалась в 1971 году.

Увы, семейная жизнь, как это ни покажется странным, имеет больше белых пятен, чем вековая сибирская тайга или Мировой океан. Углубляясь в статистику разводов, социологи-материалисты упускают такой важный фактор, как судьба.

Мужья у Веры Васильевны Богемской все были солидные, денежные, каждый любил покупать дорогую утварь, и все это, естественно, оседало в доме, ибо каждый муж был образцовым семьянином. Да и сама Вера Васильевна, одна из модных ленинградских шляпниц-надомниц, зарабатывала более чем прилично.

Все это мы рассказываем только для того, чтобы было ясно, откуда у одинокой вдовы богатая коллекция картин знаменитых живописцев, множество музейного фарфора и хрусталя, серебра, золота и даже бриллиантов. Бриллианты были и приобретенные и фамильные, перешедшие по наследству, это были уникальные камни, которые могли бы украсить не только сокровищницу графа Монте-Кристо, но и знатных дам всех времен и народов.

И еще была громадная библиотека из редчайших фолиантов и великое множество антикварных вещей. Все это частично находилось здесь, в Ушаках, но главным образом в громадной, более чем благоустроенной квартире в самом центре Ленинграда.

...И все это вдруг разом припомнилось шоферу Гусеву, и от этого задеревенели и без того непослушные ноги. И как же это так случилось, что все вокруг судачили, перемывали косточки вдове, а он оставался в стороне, прожигая время в кругу нехитрых собутыльников? А время-то идет, ох как быстро идет, и надо его остановить, пока тверды мускулы, пока молодцевата походка, пока некоторые женщины еще заглядываются на стройного, моложавого молодца...

— Ничего, Паша,— утешал себя Гусев, но снова помрачнел, вспомнив разговор в продмаге, когда двое подвыпивших парней, показав на Веру Васильевну, стоявшую в очереди за сметаной, сказали:

— Глянь-ка, в каждом ухе по «Волге»!

Только сейчас Павел Константинович понял глубокий смысл этой нечаянной фразы...

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Гусев круто развернулся и нетвердыми шагами побежал к дому Богемской. Остановился у порога, отдышался и требовательно постучал в дверь.

— Это вы? — спросила Вера Васильевна, удивленно прищурясь на Гусева.— Каким это ветром вас занесло?

Павел Константинович решил рубить сразу и бесповоротно. Он откашлялся и сипло сказал:

— Ветром любви, дорогая Вера Васильевна, Вера, Верунчик, если можно вас так называть.

— Можно,— разрешила Вера Васильевна и с любопытством оглядела статную фигуру гостя.— Что-то раньше, когда вы заходили к мужу машину починять, я от вас таких речей не слыхала.

— Скрывал...— захрипел Гусев, косясь на золотые кольца вдовы.— Стеснялся...

— Что-что? — засмеялась Богемская.— Чтоб вы да стеснялись?

— Да чтоб мне околеть на этом месте! — рявкнул Гусев, рухнул на колени и схватил драгоценную руку.

— Лю-люблю!! — рычал, он, царапая перстнями губы.— Руки вашей прошу!

— Но ведь вы, кажется, женаты? — холодно спросила Вера Васильевна.

— Разведусь! — рявкнул Гусев.— Ну, дак как?

— Хорошо, я подумаю,— улыбнулась Вера Васильевна и кокетливо поправила выбившуюся прядь.

— Ты согласна?! — завопил Гусев.— Ты согласна быть моей женой?! Любимая!!!

— Боже, какие слова...—прошептала Богемская.— Какие чудесные слова, они как музыка...

— Значит, согласна? — спросил Гусев, поднявшись с колен и тщательно отряхивая брюки.— Ладно, я пойду, а ты готовься. Покедова.

Когда Гусев исчез за углом, силы оставили Богемскую, и от всех этих неожиданных волнений она едва не потеряла сознание.

И это было не удивительно, ибо бывшей вдове, а ныне невесте шел семьдесят четвертый год.

УЯЗВИМОЕ МЕСТО

Ах, как все хорошо складывалось, и вдруг на тебе — препятствие, через которое, как через айсберг, не перепрыгнешь.

Он и сам это сразу почувствовал, да и молва такая шла.

Гусев насмешливо смотрел на Веру Васильевну и спрашивал:

— А что это все вокруг говорят, что ты ненормальная? Неужели это правда?

— Это неправда, неправда! — Богемская волновалась и плакала.

— Вот и я так думаю,— хитрил Гусев.— Надо им всем доказать! Другой бы не стал этим заниматься, а я из уважения к тебе займусь и докажу!

— Пожалуйста, прошу, умоляю!—благодарно улыбалась Богемская.— Все должны знать, что я здорова!

И Гусев засучил рукава. Увы, усилия разбились о твердокаменное решение райпсихдиспансера. Но не таков он был человек, чтоб сдаваться. И на другой же день после провала складная фигура Гусева появляется в стерильных коридорах Ленинградского научно-исследовательского института имени В. М. Бехтерева. И в карман Гусева ложится справка о том, что у Богемской В. В. «признаков психоза не обнаружено. В психиатрических рекомендациях не нуждается. Консультант Ерышев».

Гусев аккуратно прячет справочку в бумажник и показывает кукиш. И направлен этот кукиш был, несомненно, к далеким, но могущим в любой момент возникнуть на горизонте стражам закона.

РОКОВОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Согласитесь, дорогой читатель, вы не слышали о таком случае, когда бы молодой здоровяк жених волоком втащил в загс невесту, которая от старости и болезней едва передвигается, а работники загса как ни в чем не бывало зарегистрировали бы брак.

— Чур меня,— скажете вы.— Это дурной сон!

Но именно такой дурной сон и случился в Тосненском загсе, куда гренадерского вида жених явился без свидетелей со старой и больной женщиной, которая без посторонней помощи войти туда не могла.

Работники Тосненского загса все видели, но брак зарегистрировали. Правда, далось им это, как видно, не легко: что-то записали не так, потом подтерли, потом подчистили. А позже, когда все огрехи и нарушения вылезли наружу, путались и ничего толком объяснить не могли. Дескать, сами удивляемся, как нас леший попутал, сами поражаемся, как на порог Гусева пустили!

Свадьбу сыграли тихо и тайно. Никого не пригласили. Просто посидели за столом, Гусев принял двойную дозу родимой, хорошо закусил и, лаская взором дорогую обстановку, счастливо захрапел, упершись локтями в холодец.

А через неделю после регистрации здоровяк Гусев бодрым, спортивным шагом вошел в ленинградскую квартиру Веры Васильевны, радостно ощущая за пазухой паспорт со свежим штампом прописки. Чуть позже новоявленный ленинградец прописывает на теперь уже свою жилплощадь престарелого отца.

Еще чуть позже приглашает домой нотариуса, и Богемская в присутствии Гусева диктует составленное им самим завещание:

«Все имущество, которое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, где бы таковое ни находилось и в чем бы оно ни заключалось, в том числе вклады в сберкассах, наличные деньги, ценности, облигации займов, домовладение в Ушаках, завещаю мужу Гусеву Павлу Константиновичу».

Как видно, завещание оказалось роковым: через три с половиной месяца после его составления Вера Васильевна ушла в мир иной.

А молодой вдовец на другой день после смерти жены снял в сберкассе девять тысяч рублей, принадлежавших покойной.

И спрятал. Надежно. Далеко.

Он очень боялся тогда. Боялся, что явится родной брат Веры Васильевны, тоже наследник, будет шум, будет скандал... И он решил сделать похороны конспиративными. И никому ничего не говорить. Ни брату, ни другим родственникам, ни соседям. Никому. Никогда. А там видно будет.

Гуманные соображения в счет не шли, ибо такое понятие было глубоко ему чуждо.

Потом ночами подъезжал к дому и, крадучись, все таскал и таскал в кузов имущество, а затем угонял машину в неизвестном направлении.

ДОКУМЕНТАЦИЯ

Акт № 605. Амбулаторная экспертиза при 5-й психиатрической больнице гор. Ленинграда. Заключение.

«Из анализа медицинских документов, материалов дела видно, что Богемская В. В. уже много лет (с 1938 года) страдала органическим заболеванием центральной нервной системы, за последние годы осложнившимся возрастными явлениями и склерозом сосудов головного мозга с болезненными явлениями психики.

Указанные болезненные изменения усугубились рядом заболеваний: гипертоническая болезнь, диабет, старческая дряхлость. Учитывая вышеизложенное, комиссия приходит к заключению, что выраженность изменений психики Богемской В. В. достигла степени, лишающей ее способности понимать значение своих действий и руководить ими как в период заключения брака, так и при составлении завещания».

ИЗ ОБЪЯСНЕНИЙ ГР-КИ ПЕТЕРСОН А. Н.

«Я в течение 11 лет работаю вместе с Гусевой Екатериной Федоровной, женой Гусева П. К., в доме ребенка. Гусева никогда не говорит о том, что она разошлась с мужем, и никто из сотрудников дома ребенка не знал об этом. Наоборот, все знали, что у них семья благополучная, что он часто приезжал на машине «Волга» за ней к дому ребенка, даже меня подвозил домой, и все это продолжалось после того, как он женился на Богемской. Этот факт вызвал всеобщее осуждение. Каждый понимает, что развелись Гусевы фиктивно...»

ИЗ ОБЪЯСНЕНИЙ ГУСЕВА

«Где находятся снятые мною деньги — не хочу сказать...

...Богемская была очень умным человеком, эрудированным, с прекрасной памятью, сохранившей себя как женщина. Она была мне дорога как жена. Женился на ней без корыстных побуждений.

...Дополняю, что моя жена Гусева, когда мы вместе жили, встала на очередь на покупку автомашины. Она купила автомашину «Жигули» уже после развода со мной. Мне известно, что эту автомашину она продала, кому, не знаю».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ РЕШЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ЛЕНГОРСУДА ПО ИСКУ ЛЕНГОРПРОКУРАТУРЫ К ГР-НУ ГУСЕВУ П. К.

«В соответствии со ст. 15 Кодекса о браке и семье РСФСР для заключения брака необходимо взаимное согласие лиц, вступающих в брак.

Поскольку Богемская В. В. при регистрации брака с Гусевым П. К. была лишена способности руководить своими действиями, понимать их значение, брак не может считаться заключенным по взаимному согласию и в силу ст. 43 Кодекса о браке и семье РСФСР является недействительным.

...В момент составления завещания Богемская В. В. вследствие болезненных изменений психиии не понимала значения своих действий, а поэтому судебная коллегия признает завещание недействительным...»

ЭПИЛОГ

И еще был один факт, о котором стоит упомянуть: за несколько часов перед тем, как Богемская ушла из жизни, Гусев учинил ей шумный скандал, что-то требовал, чего-то добивался, довел старую женщину до слез. Богемская перед этим скандалом работала в саду и чувствовала себя нормально.

Потом, как и следовало ожидать, пришло возмездие. Как ни сопротивлялся Гусев, как ни изощрялся во вранье, суд выдворил его с дачи, выписал с ленинградской жилплощади и постановил взыскать присвоенные ценности.

И вновь он плелся по улице, тяжело вздыхая и мучаясь жаждой. Гудела голова, и на душе было привычно пусто.

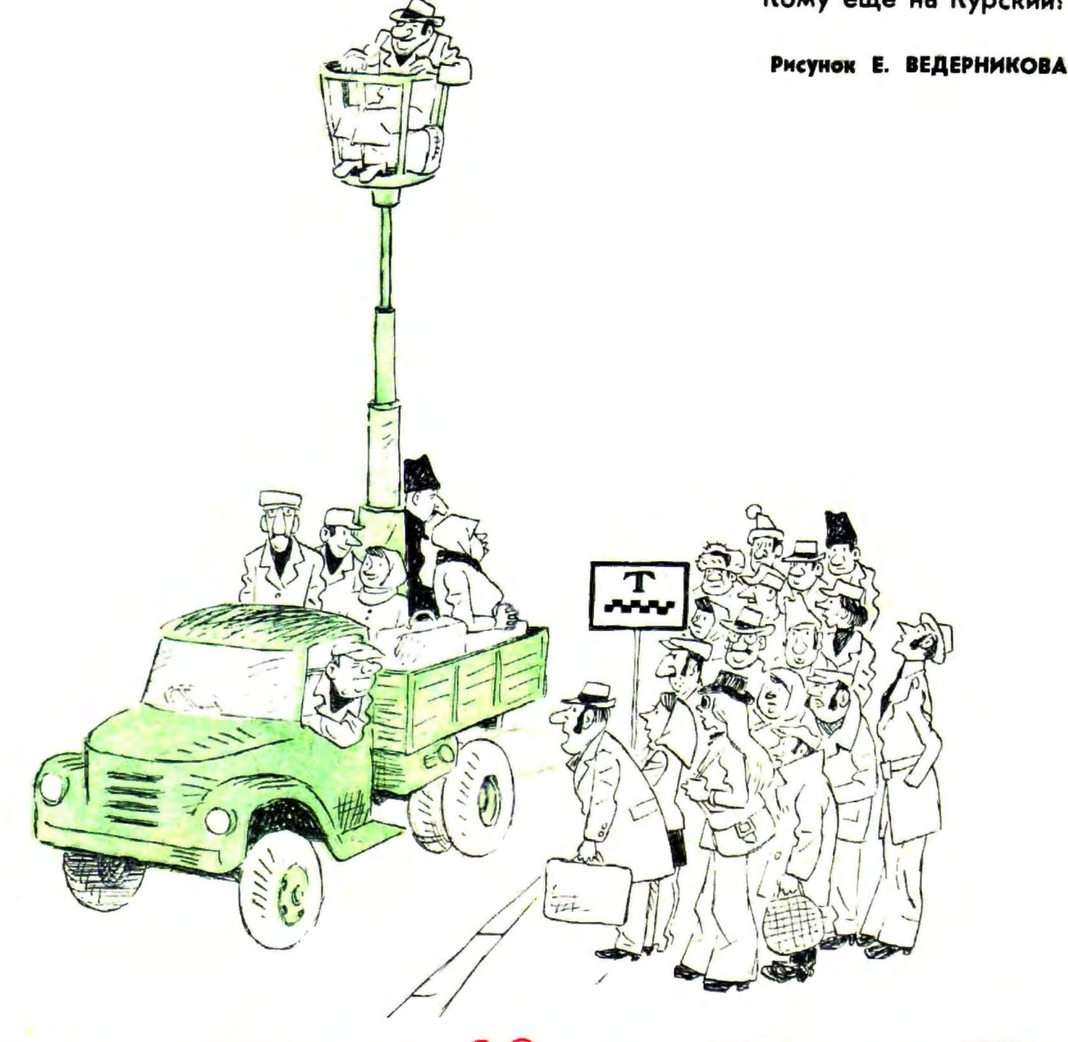
Внезапно словно кто-то резко повернул его в сторону домика, возле которого стоял новенький «Запорожец», и взгляд тусклых глаз загорелся.

Крадучись, он подошел к забору и остановился в выжидательной позиции...

г. Ленинград.

Кому еще на Курский?

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

мимоходом

Что толку краснеть в обществе дальтоников?

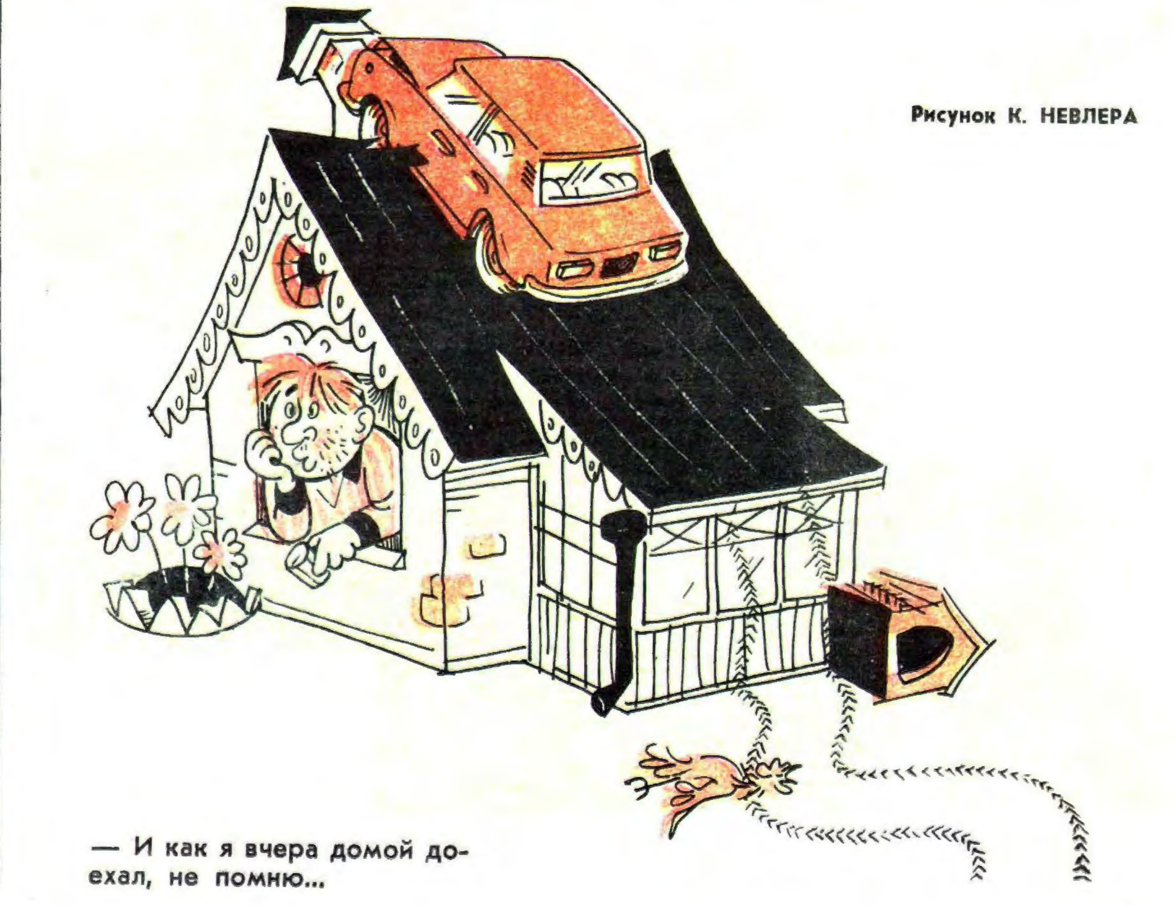
Не зарывайте кладов под кабели высокого напряжения!

Конечно, я не Мюнхаузен, но иной доклад могу сделать не хуже.

Эх, какая у меня в молодости была горячая голова от подзатыльников!

А. ЛУБАНОВ

Рисунок К. НЕВЛЕРА

— И как я вчера домой доехал, не помню...

Р. КИРЕЕВ

Коллектив тире личность

(Путевая заметка)

Я прибыл на Чукотку
К исходу сентября.
Холодная погодка!—
Напялил на себя

Пальтишко на ватине,
Фуфаечку под низ.
И вот уже не стынет
Мой чуткий организм.

Но тут вдруг слышу четко:
«А мы вам говорим,
Что это не Чукотка,
А полуостров Крым».

Я отвечаю: «Что вы!»
Я говорю: «Отнюдь!
Я знал, даю вам слово,
Куда держал я путь.

Все небо в снежных тучах,
И ветер вон задул...
(А сам на всякий случай
Пальтишко расстегнул.)

Тут бегают олени,
Тут плавают моржи...
(Но сел и на колени
Пальтишко положил.)

Позванивают льдинки
В усах и бородах...
(Но тихо снял ботинки
И в сторону их — бах!)

Коль это Крым, то что же
Тут пальмы не видны?..
(Пиджак у ног положен,
Затем, пардон, штаны.)

Коль это Крым, то давки
Что ж нет на берегу?»
А сам, оставшись
в плавках,
Рысцой к воде бегу.

Мне холод не преграда,
Плескаюсь, точно морж.
...Ведь людям верить надо,
Коль с ними ты живешь.

— Я не снежный человек, я от алиментов скрываюсь!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

К. УБИЛАВА,
специальный корреспондент Крокодила

Куда податься меломану?

В Армении каждый второй, в крайнем случае, третий или музыкант, или певец. Или то и другое сразу. А уж любят музыку, конечно, все. Играют и поют везде и всюду. Ну, хотя бы в ресторане. И часто любитель музыки идет в ресторан, чтобы совместить шашлык со сладкозвучным смехом саксофона.

Поначалу меломана немного ошеломляет внешний вид, так сказать, экстерьер ресторанных маэстро. Нет, он, в общем, понимает: местный оркестр — это не воспитанники дореволюционного приюта на воскресной прогулке. «Тот, кто скажет, что музыкант должен одеваться чопорно, пусть первый бросит в меня тяжелую медную тарелку от ударной установки...» — понимает посетитель. Но в его душу закрадывается мыслишка, что перед ним даже уже и не эстрадные одежды, а нечто балаганно-ярмарочное. С уклоном в небольшой доморощенный хиппизм.

Но в этот момент оркестранты задирают почти к зениту сверкающие сопелки, дуделки и гуделки. И на бедного любителя музыки обрушивается что-то очень-очень громкое — усилительные радиоагрегаты теперь, будь здоров, слона свалят звуковой волной.

Бедный меломан смутно понимает, что его в чем-то обманули. Что можно легко обойтись без морских маячных ревунов в качестве усилителей. Он размышляет о том, что и великие певцы и музыканты не брезговали эстрадными подмостками. Что в ресторане вполне уместна, конечно же, приятная танцевальная мелодия, лирическая и даже героическая современная песня, только смотря как ее «подавать». Он размышляет о том, почему ресторанные музартели лишь номинально числятся в боевых порядках отдела культуры исполкома, а практически подчинены таким знатокам вокально-музыкальных веяний, как директора ресторанов. А директору что надо?

Иной директор дает ансамблю директивы:

— Вы, ребятки, дудите, что хотите, только чтоб у меня весело было, а главное — громко. Чтоб у меня клиент сразу плясать кинулся, а не принюхивался к качеству деликатесов.

Однако жажда музыки томит. И после личного дворика меломан идет в концертный зал филармонии. И попадает на цыганский ансамбль. Конечно, он уважает искусство других народов, в частности красивые цыганские песни и огневые пляски. Но почему-то на этот раз ансамбль напомнил ресторанные артели. Меломан бежит в другой эстрадно-концертный зал и снова разочаровывается. Малозажигательный коллектив пятигорского театра оперетты, увы, тоже не способен утолить жажду ереванского любителя музыки.

Куда двинуться дальше? Оказывается, на этот пустячный вопрос толком не могут ответить ни заведующий отделом музыкальных учреждений республиканского министерства культуры Р. Давитян, ни заведующий отделом культуры Ереванского горисполкома С. Мелакселсян. Почему? Да потому, что Армфилармонии вопреки «Положению о порядке организации гастрольно-концертной работы в стране», изданному Министерством культуры СССР, подчинены далеко не все концертные организации и музыкальные коллективы Армении. Оказывается, здесь существуют и совершенно самостоятельно формируют свой репертуар, имеют свой счет в банке, свои печати и билеты, свою администрацию и свой транспорт несчетное количество концертантов: Государственная академическая капелла, ансамбль народной песни и пляски, ансамбль танца, эстрадный оркестр Армении, коллективы Армгосэстрады, хорового общества, Союза композиторов, Дома народного творчества, клубов...

На первый взгляд это обилие музыкально-концертных объединений может только порадовать. Но когда приглядишься повнимательнее, получается, что каждое из них дует в свою дуду, а уж Армфилармонию они и вовсе полагают чем-то «мешающим» их самостоятельным упражнениям.

И Армфилармония, не чувствующая поддержки вышеназванных товарищей, сникла, увяла и самоустранилась от роли организатора. Дело дошло до того, что Армфилармония подчас не может заказать собственные цветопризывные афиши и рекламные щиты. Остается бродить по улицам и зазывать на концерты слушателей, как средневековые герольды...

Филармония постепенно утратила и собственные помещения, где приезжие ансамбли и солисты могли бы провести репетиции. Да что там помещения — даже роялей подходящих не сразу можно сыскать, они, как говорится, давно уже созрели для списания в утиль. Так что филармония лишена почти основных орудий производства высококачественных звуков.

Между тем и Союзконцерт, и Росконцерт, и даже Москонцерт в жажде охватить своей гастрольно-концертной деятельностью братскую республику шлют сюда и ансамбли, и хоры, и солистов (не всегда, правда, согласовывая между собой график и репертуар охвата, но это уже отдельная тема). Ансамбли, хоры и солисты прибывают в Армфилармонию и сразу же рвутся назад — кому понравится выступать на неподготовленных концертных площадках?

Впрочем, с трудностями такого рода некоторые гастролеры еще кое как мирятся. Но зрители... Их жалко.

Нет, худо меломану в Армении. И будет худо, покуда всей музыкой, звучащей на подмостках республики, не будет дирижировать один понимающий и чуткий дирижер.

Армянская ССР.

Мы попросили прокомментировать этот фельетон композитора Н. БОГОСЛОВСКОГО. Вот что он сказал:

«Не знаю, как в Армении — давненько там не бывал, но вот в РСФСР и ряде других республик — картина аналогичная.

Я даже предложил бы посетителям ресторана, желающим интимно поговорить с любимой или с друзьями, брать с собой наушники, микрофоны и небольшой усилитель. Тогда бы им удалось, сидя за столиком, вести свою мирную беседу во время игры оркестра.

Просто не могу понять, зачем так громко? Не потому ли, что при такой силе звучания слушателям труднее заметить фальшивые ноты и констатировать убогость мелодии?»

Виктор АРДОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ С МИРАЖАМИ

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

Нет нужды представлять Виктора Ардова, ибо многие поколения наших читателей давно привыкли к его веселой шутке, к меткому слову. Книги его рассказов, комедии, снятые по его сценариям, пьесы... Да всего и не перечислишь. Виктор Ефимович в свои семьдесят пять молод и полон юношеской энергии. И чтоб не подумали, что это реверанс в сторону юбиляра, а вполне серьезное утверждение, мы предлагаем его новый фельетон.

— Я сам человек скромный, служащий, холостой... Единственное, что я люблю,— это во время отпуска заделаться туристом. Нет, нет, не подумайте: я не езжу в разные там круизы и кругосветки. А так вот нагружу рюкзак до отказа, навалю себе на спину, посошок — в руки... И куда-нибудь на турбазу в глубинке, в лесу, в предгорье, где, знаете, пещеры если есть, то неблагоустроенные: без электричества пещеры, без сталактитов...

Да, поживу в палатке на четверых недельки две, рыбку поужу, ягоды пособираю, сучки и задоринки поищу забавной формы, чтобы потом выточить из них лешего или лань. И домой: приступать к работе...

И в этом году я так же хотел, но не вышло. А почему? Попал я в какую-то область привидений, что ли... или миражей... Не верите? А я и сам бы не поверил, если бы мне рассказали такое раньше, ну, до того, как я оказался в этой стране нереальности... Да вы судите сами.

Корабль-невидимка

Началось с того, что отправился я в обычную туристскую поездку. По путевке нашего областного бюро экскурсий и туризма. Все честь честью. Оплатил все будущие услуги. Получил билеты и талоны. Выслушал добрые пожелания заведующего бюро, который и мне и всем прочим участникам нашей, как говорится, «вылазки» руки жал и слова говорил...

Первая часть путешествия намечена была на пароходе. Пароход «Д. Никитич» (что должно означать богатырь Добрыня Никитич) по расписанию должен был отвалить в семь часов утра от речного вокзала. Натурально, мы все—участники путешествия— в половине седьмого уже скопились на дебаркадере причала № 8, откуда и должен отойти пароход.

Но что-то «ничего в волнах не видно». А время идет. Мы — будущие пассажиры — начинаем тревожиться... И тут появляется работница речного флота в своей униформе, с шевронами и погонами, в фуражке с серебряным «крабом», с мегафоном в руках. Расталкивает всех и грубым голосом вещает:

— Позвольте! Дайте пройти! Отойдите!.. Ну, чего вы столпились?!

— Как «чего»?! Мы парохода ждем. Где он, ваш «Д. Никитич»?

— А кто вам сказал, что он будет?

— Вот же у нас расписание, билеты нам выдали...

— Не знаю, какой дурак вам дал билеты! Никакого «Никитича» сегодня не ждите... Не успели подготовить его к новому рейсу. После каждого плавания положено убирать все судно. А дезинфекция? Вам, пассажирам, только и дела, что мусорить по всему пароходу!

Дальнейшее мы не стали слушать. Стали совещаться: как нам быть. Ведь у пристани назначения нас ждал специально прицепленный к поезду вагон...

Вагон-мираж

Кое-как на других «плавсредствах» добрались мы до пристани Колотушка, рядом с которою расположена железнодорожная платформа того же грациозного названия. Слава богу, успели: поезд № 78 пришел через два часа после того, как мы разместились на перроне. В наших путевках значился вагон № 15. Машинист еще не затормозил полностью, а мы уже бегали по рельсам вдоль всего состава: искали наш пятнадцатый вагон... И не нашли.

В вагоне № 8 на площадке стоял пожилой железнодорожник, который с улыбкой наблюдал, как мы бегаем и вопим.

— А такого вагона нету,— сказал он.

Железнодорожник нам не грубил. Он скорее шутил с нами. Но, по существу, повторял все то, что уже говорила нам речная начальница:

— Сперва предполагалось, что пятнадцатый вагон к нам прицепят. А потом технадзор запретил. Хе-хе-хе...

— Что запретил?

— Этот самый вагон. Оказалось, в нашем составе и так уже большой перегруз. Вот его и оставили на станции отправления, ваш вагон...

— А что ж нам не сказали?!.

— А где бы мы вас нашли? Хе-хе-хе...

Ну, забегали мы: в кассу, из кассы — к вагонам, в вагонах — на третьи полки... Кое-кто остался тут, на станции Колотушка. А мы — те, которым посчастливилось попасть в поезд,— уехали до станции Пузырево. Прибыли в Пузырево поздно вечером. В путевках у нас было сказано: от Пузырева на турбазу идет автобус...

Автобус-мимолетность

Когда мы выходили на площадь перед вокзалом в Пузыреве, кое-кому из нас показалось, будто неподалеку прозвучал слабый сигнал какой-то машины.

Но автобуса как такового никто не видел. Мы заметили только несколько человек местных жителей, которые уныло сидели на камнях и бревнах подле столба. А на столбе моталась от ветра полуоторвавшаяся вывеска, украшенная большою буквою «А».

— Что, автобус на турбазу «Овражки» идет отсюда?

— Ну, отсюда,— после длительной паузы вяло произнес один из сидевших на бревне.

— А когда он пойдет?

— Куда? — лениво зевнув, на что ушло не менее шести минут, вопросил всадник на бревне.

— Да в Овражки же!

— А, в Овражки... — снова затяжной зевок.— В Овражки он никогда больше не пойдет...

— Как это «никогда»? — с испугом заговорили сразу несколько человек из нашей группы.— Отменили его, что ли? Почему?!

— Зачем «отменили»... уааааа (это еще один зевок). Сегодня больше не пойдет. А завтра, но этово... уаааааааа... завтра он пойдет. Автобус то есть...

Койки, которых нет

До Овражков мы добрались к середине ночи. Правда, летнее солнце уже освещало все, что могло. Практически было утро, а по циферблату — глубокая ночь. Турбаза ограждена была от прочих гектаров леса и гор невысоким штакетником. За штакетником виднелись летние переносные домики и брезентовые палатки. У ворот с неизменным призывом «Добро пожаловать!» сладко спал сторож, нежно прижав к сердцу ржавую берданку. Нам удалось его разбудить с восьмой попытки. Распялив с трудом глаза, сторож воскликнул с искренним удивлением:

— Как?! Опять туристы?!

Уже эти слова несколько огорчили нас. А происшедшее затем и вовсе опечалило. Сторож, не впуская нас за забор, запер калитку и отправился куда-то в глубь леса. Мы ждали долго. Наконец он появился. За сторожем шел толстяк гигантского роста в полосатых трусах и бурой майке с декольте до пупа. Лупившаяся от солнца плешь занимала три четверти черепа у толстяка. Он что-то бурчал на ходу, а сторож огрызался:

— А я при чем? Нешто я их приваживаю?..

Когда этот дуэт приблизился к забору, толстяк строго вопросил нас с кавказским акцентом:

— В чем дело? Надо приезжать в середине ночи, да?

— Мы туристы,—робко произнес я.

— Вот, вот, вот! — обратился толстяк к сторожу.— Я же тебе говорил, да?

— У нас к вам путевки,— раздался нерешительный голос.

— Может быть, вы еще хотите получить койки?

— Хотим... а как же?..

— А где я вам их возьму?! Рожу, что ли? На каждую коечку у меня по три путевочника уже есть! А те, которые без путевки, по запискам, с ними что прикажете делать?! А? Да?

— Мы же не знали... мы думали...

Но толстяк уже отступал в глубь участка. И скоро он исчез, растаял между стволов высоких сосен и низких берез. Мы переглянулись и молча отправились в обратный путь...

Поскольку никто нам ничего не сулил на этом пути и мы не ждали никаких привилегий и удобств, то добрались мы домой медленно, но вполне благополучно. И вот теперь мне иногда кажется, что весь тот вояж был именно путешествием в страну призраков...

К. СЕЛИНЕВИЧ,
специальный корреспондент
Крокодила

РЕВИЗОР НА КРЫШЕ

Неизвестный доброжелатель позвонил на Алма-атинский винзавод и сказал:

— К вам едут два ревизора. Будьте начеку!

В винных подвалах и в бухгалтерии поднялся переполох. Еще бы — сразу два! Когда паника достигла апогея, появилась техничка тетя Клаша и сказала:

— Ну, чего вы шебуршитесь, чего тоску нагоняете? Успокойтесь: ревизоров будет не два, а всего лишь один, да и тот неизвестно когда.

Техничке не поверили, поскольку достоверно знали, что заместитель министра пищевой промышленности Казахской ССР Е. И. Джеримбаев поручил произвести ревизию финансово-хозяйственной деятельности завода бухгалтерам-ревизорам КРУ Н. Н. Елизаровой и В. К. Матвееву.

И тогда тетя Клаша, плюнув с досады, заявила:

— Говорят вам, не будет, значит, не будет! Десятый день лично вижу, как Матвеев строит гараж во дворе магазина «Кооператор». На крыше сидит. Понятно?

Нет, это было никому не понятно. Бухгалтер-ревизор Матвеев вместо того, чтобы быть на ревизии, был на крыше!

Между тем тетя Клаша как в воду глядела. Бухгалтер В. Матвеев не явился на ревизию. Вместе с двумя рабочими подведомственного министерству пищевой промышленности республики ремонтно-механического завода он строил гараж для автомашины, принадлежащей начальнику контрольно-ревизионного управления министерства К. Д. Джумабаеву.

Согласно приказу, В. Матвеев вроде бы ревизовал винзавод, а на самом деле строил автобудку своему начальнику. Так уже на первой ступеньке служебной лестницы студенту-заочнику финансового института Володе Матвееву преподали урок чинопочитания.

Правда, от второго урока — съездить на плодоконсервный комбинат и привезти К. Джумабаеву клубнику — Володя отказался. И теперь Кенес Джумабаевич его больше не любит.

Вот другого бухгалтера-ревизора, У. Е. Ибраеву, и по сей день любит. Правда, как специалиста ее в министерстве теперь уже не помнят, да и фамилию позабыли. А если вспоминают, то несколько странным образом: «А, это та приятная дама, что коньяком в гостинице торговала!»

Эту приятную даму рекомендовал зачислить в аппарат КРУ лично сам К. Джумабаев, хотя знал, что все ее познания в бухгалтерском учете сводятся к правильному произношению терминов «сальдо» и «бульдо». Конечно, это тоже немалое достоинство, однако не такое, чтобы через несколько месяцев работы повысить Ибраевой зарплату.

А той было мало и повышенной зарплаты. Будучи в Актюбинске на ревизии ликеро-водочного завода, Ибраева настолько глубоко вникла в дела проверяемого предприятия, что в своем гостиничном номере открыла торговлю спирто-водочными изделиями. При этом она успешно конкурировала с государственной торговлей, продавая коньяк (три звездочки) по 7 рублей за бутылку. По какой цене она собиралась продавать «экстру», осталось неизвестным: водка вместе с коммерсанткой попала в милицию.

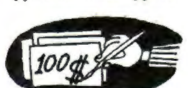
И другого своего бывшего подчиненного, бухгалтера-ревизора Е. Нурдыбаева, тов. Джумабаев уважает. Ревизию Джамбулского спирто-водочного завода Е. Нурдыбаев умело сочетал с отдыхом в вытрезвителе. Но начальник КРУ и после этого не расставался с ним, считая его незаменимым работником. И только после того, как бухгалтер-ревизор продал в Джамбуле на толкучке пальто и его чуть ли не нагишом в студеную зимнюю пору подобрала милиция, вынужден был с ним распрощаться.

Может быть, хватит отрицательных примеров? Может, пора уже и похвалить К. Д. Джумабаева? Но Кенес Джумабаевич и без того расхвален и отмечен премиями за выполнение плана ревизионных проверок.

План проверок выполняется, а воровство хищения и бесхозяйственность на предприятиях министерства все никак не уменьшаются. Отчего бы это?..

ВАШИНГТОН. Руководитель секретной службы Стюарт Найт заявил, что его организация, обязанная бороться с фальшивомонетчиками, отмечает влияние на них инфляции. Раньше фальшивомонетчики предпочитали подделывать двадцатидолларовые банкноты, теперь же они переключаются на купюры достоинством в пятьдесят и даже сто долларов.

ВАШИНГТОН. Федеральная комиссия по связи сообщила, что радиостанция «Даблью оу оу кей» использовала религиозные передачи для сообщений об очередных результатах подпольного тотализатора. Как известно, этот тотализатор, опекаемый гангстерскими синдикатами во множестве городов США, приносит своим владельцам огромные доходы. Радиостанция действовала чрезвычайно просто. Допустим, нужно было передать, что выигрыш пал на номер 315. Какой-нибудь благочестивый проповедник во время своей радиопроповеди ссылался на библейский текст: от Луки, глава 3, стих 15.

ЛОНДОН. Представитель жокей-клуба лорд Ливерхалм заявил, что отныне компании, приобретающие скаковых лошадей, будут иметь право давать им имена по названиям самих фирм или продукции, ими выпускаемой. Таким образом, дикторы на ипподромах будут теперь объявлять: заезд выиграли «Сигареты Ротман». Или: из-за сбоя с дистанции снимается «Вестминстер банк».

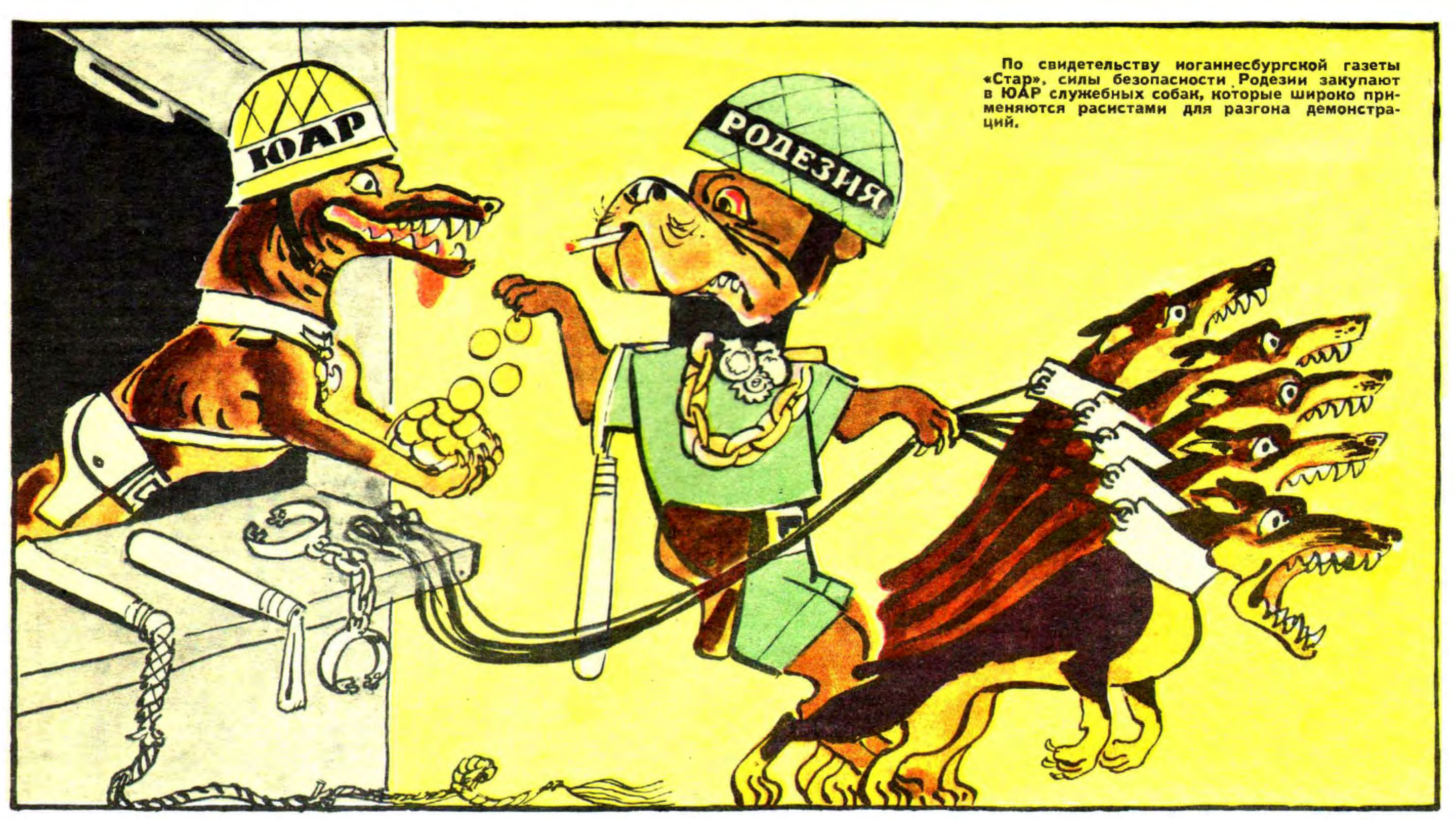

ПАРИЖ. Местные наблюдатели предсказывают, что на политическую жизнь страны будет оказывать все большее влияние мадам Симон Вей, министр здравоохранения. Мадам Вей уже добилась запрещения курить во время заседания кабинета министров и теперь добивается запрещения курить на всех публичных мероприятиях.

Черный ход в школу в штате Кентукки... Рисунок Ю. ЕРОФЕЕВА

ОДНА СВОРА Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

Этот диалог мне довелось услышать на окраине Роттердама, в чуланообразном магазинчике бижутерии и сувениров. Говорили супруги на идиш, явно не догадываясь, что единственный покупатель, то есть я, понимал, о чем шел разговор.

Жена многозначительно сообщила вернувшемуся с товаром мужу:

— Опять приезжали **они.**

— Контрибуцники? — встрепенулся муж.

— Эта парочка совсем не виновата. Им велели пойти за пожертвованиями. Не они — явились бы другие.

— Не будь овечкой! Сионисты знают, кого посылать за налогами, — еще раздраженней возразил муж.

— Они обещали прийти вечером.

— И ты не сказала, что лучше бы им пойти в землю?

Впрочем, «в землю» — чересчур дословный перевод с идиш. Вернее было бы — «в преисподнюю» или даже «в тартарары».

Тут уж взорвалась жена:

— Смотрите, какой храбрый! Ты это не мне, ты это головорезам из «Бней-брита» скажи!

На сей раз супруг, должно быть, заподозрил меня в знании идиш и перешел на польский язык.

Оторвавшись от груды медных тарелочек и пепельниц с традиционным изображением голландской ветряной мельницы, я сказал:

— Извините, я и по-польски понимаю.

Торговец вначале обмяк. Но, узнав, что я иностранец, успокоил жену:

— А какой тут секрет? И «Бней-бриту» и «Ехуд-габоним» я даю не чужие деньги. Чтоб они так забыли дорогу к нам, как я от себя отрываю. Ты, конечно, постеснялась напомнить им, что только на прошлой неделе у нас выманили изрядную толику на курсы иврита! А до того вытянули на священные книги для бойскаутов. А до скаутов с меня же выцарапали последний взнос на женщин.

— На каких это женщин? — В голосе супруги зазвенели нотки ревности.

— Не шуми! Быстро ты забыла «Неделю в пользу женщин Сиона!»

— Но сейчас они требуют не на женщин и не на курсы. А на газеты.

— Можешь мне поверить, я как-нибудь переживу, если в Голландии будет чуть меньше сионистской прессы.

— Они собирают на израильские газеты.

— Слушай, ты не тронулась? Значит, к тебе приходили просто жулики!

Торговец обратился ко мне:

— А вы как думаете?

Я вначале тоже думал, что госпожа Штейснер не поняла функционеров из амстердамского «Бней-брита». И очередное пожертвование, именуемое роттердамским торговцем то контрибуцией, то налогом, то штрафом, предназначено для иной цели.

Но и другие голландские евреи, к которым в эти дни наведывались бней-бритовцы, подтвердили, что очередная «благотворительная» акция сионистов предназначена в помощь израильской прессе.

Обычно сионистские функционеры не любят сообщать представителям прессы, тем более советской, на что идут деньги, выкачанные ими у еврейского населения тех стран, где они работают. И все же я обратился к прыткому Шмуэлю Ленцу, дежурившему у амстердамского еврейского музея на Новой рыночной площади — там, где он обязан ежедневно подлавливать туристов и заманивать их на вечерние сборища сионистских молодчиков. («Немножечко разговоров на политические темы и много веселых развлечений».)

В то утро, увидел я, группа молодых туристов не только не клюнула на приглашения сионистского коммивояжера, но дружно вышвырнула из автобуса брошюрки, старательно разложенные им на сиденьях. Оставшись с носом, раздосадованный Ленц потерял привычную выдержку и раздраженно ответил мне:

— Да, мы собираем деньги для израильской прессы! — И, чтобы окончательно сразить меня, язвительно добавил: — И не дадим больше умирать тель-авивским газетам на русском языке!

В традициях «Котелка» и «Ермолки»

Сравнительно недавно существовали в Израиле две газеты на русском языке — «Наша страна» и «Трибуна». Одинаково шовинистические, одинаково крикливые, одинаково безграмотные. И тем не менее они систематически подкалывали, подлавливали, подзуживали одна другую.

С какой целью? С единственной — выйти хоть на грудь вперед в спринтерском состязании на самое сногсшибательное антисоветское измышление!

И ежели «Трибуна» публиковала очередную «московскую сенсацию», состряпанную на кухне сионистского блока ГАХАЛ, то «Наша страна» незамедлительно выпаливала удесятеренную клевету на ту же тему, но уже со ссылкой на пропагандистский арсенал сионистского же блока МАПАМ. Впрочем, газеты иногда мирно менялись источниками брехни — хозяин-то у них один.

Будем справедливы, больше рвения проявляла все же «Наша страна». Чтобы обойти «Трибуну», она зачастую публиковала «сообщения из Москвы» с двумя концовками совершенно противоположного смысла. И посрамленной «Трибуне» приходилось на следующий день придумывать свою — третью!

А сионистским заправилам подобная «полемика» приходилась по вкусу: ведь она создавала у новоприбывших иллюзию борьбы между «разными партиями».

Не гляди на кличку, а гляди на птичку, говорит пословица. Новоиспеченные израильтяне быстро сообразили, что все птички из семейства утиных обе газеты выпускают из одного сионистского гнезда. И пере-

См. стр. 12

Со стр. 11 **Гони монету!**

стали принимать всерьез полемику тель-авивских печатных органов, которая велась в традициях «Ермолки» и «Котелка» из шоломалейхемовской Касриловки. Помните? «Когда возникает настоятельная необходимость в том, чтобы выругать, ошельмовать друг друга, когда иначе уже никак нельзя,— рассказывал писатель,— «Ермолка» называет своего соседа «Обшарпанным котелком», а «Котелок» обзывает свою соседку «Гнилой ягодкой».

Чтобы спасти от кончины оба детища, сионистские хозяева сочли за благо слить воедино «Обшарпанный котелок» с «Гнилой ягодкой», то бишь «Нашу страну» с «Трибуной».

И все равно дела совмещенной «Нашей страны» из рук вон плохи. Не спасают даже такие захватывающие объявления:

«К сведению научной общественности в Израиле и за границей. Я, Авраам Гитерман, проживающий в городе Кфар-Саба, разрабатываю сейчас научную тему: «Силы природы и причины, приведшие к мировому потопу». Многое уже разработано».

Да, не сумел Авраам Гитерман вкупе со стариком Ноем вытянуть сионистскую газетенку на стезю благополучия. И «Наша страна» прибегла к испытанной приманке — страшным детективным романам с продолжениями. Каждая серия обрывается на самом «душераздирающем» моменте.

«Сатана в юбке» — так называется один из детективов. Сюжет умопомрачительный — ценой зверского убийства неизвестная овладевает секретом «ракетной электронной пташки, за которую русские дали бы уйму денег». Имя автора романа редакция покрыла мраком тайны. То ли оттого, что он хронически воюет с элементарными правилами синтаксиса, то ли для пущего подогрева интереса к тель-авивскому подобию вестерна.

Слишком шустрый Леонард

Однако упрямый читатель все равно почему-то не помчался со скоростью электронной пташки к газетным киоскам. И вконец отчаявшись, газетка принялась публиковать сенсационные мемуары некоего Леонарда Гиндлина о его встречах с мастерами советской культуры, густо заквашенные на клеветнических дрожжах.

По утверждению мемуариста, его «дарили своей дружбой Всеволод Мейерхольд, Соломон Михоэлс, Александр Таиров, Константин Паустовский, Михаил Зощенко, Эммануил Казакевич, Вероника Тушнова, Корней Чуковский и мн. другие».

К этим «мн. другим» причисляется, скажем, Александр Фадеев, именно Гиндлину, представьте, поверявший свои самые сокровенные думы о советских писателях.

Сам председатель всесильного «Сохнута» Пинхас Сапир в назидание менее сноровистым литераторам подбросил Гиндлину особую стипендию «для обеспечения литературной работы над особо важными (читай: антисоветскими.— **Ц. С.**) темами».

И вдруг — прокол! Вместе с мемуаристом шумно шлепнулись в лужу и его меценаты. Что же произошло?

Потерявший от бурных успехов голову Гиндлин в очередном «воспоминании» проболтался: «Я окончил школу в 1941 году». А ведь ранее он разглагольствовал о своих... довоенных встречах — обязательно тет-а-тет — с теми, кто его «дарил своей дружбой».

Читатели оказались более внимательными, нежели редакторы. Произвели нехитрые арифметические операции — и тут-то раскрылись подлинные сенсации!

Михаил Михайлович Зощенко, оказывается, мчался из Ленинграда в Москву, чтобы посоветоваться по поводу своих литературных замыслов с четырнадцатилетним молокососом.

В пятнадцатилетнем возрасте шустрый Леонард милостиво принимал приглашения Александра Яковлевича Таирова на генеральные репетиции, ибо замечательный режиссер никак не решался выпустить спектакль без гиндлиновских советов.

С трудом дождавшись семнадцатилетия Гиндлина, Константин Георгиевич Паустовский поспешил побеседовать с ним о делах кинематографических...

Кожура с «абрикосика»

Перестала увлекать читателей и щедрая уголовная хроника. В самом деле, чем удивишь их? Неспроста усопшая «Трибуна» в одном из предсмертных номеров с оттенком гордости отмечала: «Нашему государству свойственны преступления и преступники, каких сегодня много во всех странах Западного мира».

Ну к чему такая скромность! Ведь в Израиле появились в изобилии аферисты совсем нового жанра, так сказать, местного профиля, каких сегодня совсем нет даже в самой наизападнейшей стране.

О них я услышал от бежавшего из Хайфы обратно в Утрехт молодого дантиста. Как и всех прочих беженцев из «земли обетованной», голландские сионисты внушительно предупредили «изменника», чтобы он не очень распространялся о прелестях страны, где вот уже более четверти века осуществляются идеалы сионизма. Стоит ли удивляться, что утрехтец просил не называть его имени.

Израильские аферисты новой формации специализировались, по его словам, на несложном, но сравнительно доходном объегоривании новоприбывших. Жулики нежно прозвали их «абрикосиками» и безнаказанно снимают с них доходную кожуру.

Приходит свеженький «абрикосик» в учреждение. Ему отвечают на иврите. Он не понимает ни единого слова. А ему еще приходится то и дело подписывать вслепую всяческие прошения, расписки, обязательства. Что делать? И тут на сцену вылезает благодетель. Любезный, вкрадчивый, соболезнующий. Горячо возмущается бюрократическим шквалом, обрушившимся на новоприбывшего.

Растроганный иммигрант раскрывает добровольному заступнику вместе с объятиями и кошелек. С радостью подписывает доверенность новому другу и умоляет его заодно прихватить и обременительные документы, вроде багажных квитанций. Через несколько дней или недель — в зависимости от квалификации жулика — он исчезает. А с ним, как минимум, и вещи новоприбывшего.

Есть и другие, более тонкие методы снятия кожуры с «абрикосика». И частенько, когда иммигрант решает стать эмигрантом и уже погашает все долги государству, его неожиданно задерживает как должника вчерашний заступник.

Рать благодетельных аферистов за последнее время основательно, правда, поредела, многие пополнили ряды безработных. Совесть, думаете, заговорила? О нет, причина более деловая: снизился приток клиентуры, приезжающей на жительство в Израиль. Резко снизился урожай «абрикосиков».

Такие дурные вести приводят в бешенство голландских сионистов. Ведь они обязаны непрестанно трубить о мифических тысячах людей, жаждущих поскорее ступить на землю, не столь обетованную, сколь милитаризованную, превращенную в казарму.

И если выпадает редкая возможность выпроводить кого-нибудь в Израиль, голландские сионисты бьют в литавры, проводят шумные пресс-конференции и обязательно устраивают торжественные проводы.

А на деле возвращающихся несравненно больше, нежели выезжающих. По этой линии у сионизма сегодня, как выражаются бухгалтеры, пассивный баланс. Но об этом не говорят на шумных пресс-конференциях.

И снова поборы

Семье утрехтского дантиста пришлось за бесценок распродать привезенное из Голландии имущество — только бы расплатиться с бесчисленными долгами и получить столь трудно достижимую выездную визу.

— Откуда у вас столько долгов за каких-нибудь пять месяцев?

Жена дантиста, не утратившая в отличие от других беженцев чувство юмора, разъясняет:

— Счета мы оплачивали по-шоломалейхемовски. Не забыли? «Шнапс вы пили свой — два рубля; чаю-сахару не брали — один рубль...» И так до бесконечности...

Стоп, стоп!

Как же это я позволил себе второй раз процитировать Шолом-Алейхема, враждебного еврейству писателя, питающего своими сочинениями антисемитов.

Диву даетесь, читатель?

У меня тоже глаза на лоб полезли, когда я впервые услышал в Австрии от сионистов такую оценку творчества выдающегося писателя-демократа. Правда, когда то же самое повторяли сионисты в ФРГ, я меньше удивился. А в Голландии уже совсем не удивлялся — к тому времени своими глазами я прочитал пространные рассуждения сионистских идеологов, почему крамольного Шолом-Алейхема следует издавать строго «избранно».

Прочитал на страницах той самой газеты, чье существование зависит от контрибуции... виноват, пожертвований, столь суетливо взыскиваемых с еврейского населения бойкими голландскими сионистами.

Впрочем, когда я уезжал из Голландии, сионисты проводили уже новое обложение. Побор шел на нужды израильского воздушного флота. Не нужно обладать большой фантазией, чтобы представить себе, какого накала пикировка возникла по этому поводу между супружеской четой в Роттердаме.

И мне вспомнились слова, услышанные на прощание от сумрачного владельца магазинчика бижутерии и сувениров:

— Недавно голландские сионисты провели у нас благотворительную акцию «Сто дней для Израиля». Пожелайте мне дожить до акции «Сто дней без Израиля»!

Роттердам — Москва.

Ведущие американские специалисты полагают, что Израиль изготовил более десяти единиц ядерного оружия, причем каждая из них обладает взрывной силой, сравнимой с атомными бомбами, разрушившими Хиросиму и Нагасаки.

ЯСТРЕБИНОЕ ЯИЧКО

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Владимир СВИРИДОВ

Рассказ

— Безобразие! Я буду жаловаться! — В кабинет заведующей парикмахерской Галины Петровны Демкиной влетел разъяренный мужчина.

— Вы заведующая? — фальцетом выстрелил он в Демкину.

— Спокойно, товарищ, не кричите. У нас месячник по борьбе с шумом. А тут место, как говорится, общественное.— Заведующая кивнула на стул.— Садитесь.

Мужчина немного приумолк, но потом вдруг опять разгорячился.

— Вы посмотрите, нет, вы только посмотрите, на кого я похож.— Он ткнул себя пальцем в лоб и в ожидании замер.

Выглядел он и впрямь странновато. Огромные прозрачные уши, как крылья бабочки-однодневки, торчали перпендикулярно полувыстриженным вискам. Где-то на макушке виднелся крохотный островок рыжих волос, окруженный замысловатым орнаментом, оставленным электромашиной. Правая щека была наполовину выбрита и пылала, как перезрелый гранат. Левая сохраняла бледно-желтую растительность трехдневной давности.

Демкина внимательно осмотрела с ног до головы посетителя и чистосердечно призналась:

— Что-то не припомню.

Мужчина вскочил с места.

— Нет, я этого так не оставлю. Изуродовали человека и еще хамят вдобавок. Уши, как у летучей мыши, череп квадратный, стрижка, как у бразильского сектанта.

— Эти претензии вашим папе с мамой предъявляйте, а у нас тут парикмахерская. Мы стрижем волосы, а на чем они растут, это нас не касается.

— Ну знаете! — Лопоухий в сердцах хлопнул себя по ляжкам и плюхнулся на стул.— А то, что у вас парикмахеры плохие, тоже мои папа с мамой виноваты?

— При чем здесь парикмахеры, товарищ? Вы мне ребусы не задавайте. Толком сказать можете?

Мужчина еще раз пощупал свой выщербленный затылок и снова вздохнул.

— Значит, сегодня после обеда я должен быть на выставке...

— Вы? — с удивлением спросила Галина Петровна, рассматривая его причудливую прическу.

— Я вообще никогда особой красотой не отличался,— смутился мужчина,— а теперь, как говорится, на втором месте по красоте после противогаза.

— Без лирики, пожалуйста. Сама не слепая, — отрезала заведующая.

— У меня на ВДНХ свидание с любимой женщиной назначено. Так вот я решил,— продолжал клиент,— привести себя в порядок: подстричься и побриться. Сел в кресло, второе от окна. Жду. Приходит. Я говорю: «Слегка снимите, возле ушей не трогайте. Голову помойте, прическу уложите и побрейте, пожалуйста, на свидание, — объясняю, — тороплюсь». А она мне: «Может, еще и спинку потереть, а? Не желаете?» Я сразу не сообразил, что она надо мной издевается. Может, думаю, сервис новый внедрили. «Нет,— отвечаю,— голову только». Скривилась она вся, что-то под нос пробурчала и давай... кромсать. Сами видите, на кого похож.— Мужчина опять тяжело вздохнул.— Обкорнала, как бобика, потом схватила бритву, а сама все на меня поглядывает: то справа зайдет, то слева. «Вы,—спрашивает,—в прошлом году на суде свидетелем не выступали? А?» Я, конечно, отрицаю. Ни разу в этом заведении не бывал. А она точит бритву и глаз с меня не сводит.

— Уж больно вы похожи на одного типа, который моего братишку засадил. Пятерик схлопотал, хулиган, видите ли. Стукнул вот такого зануду в ухо и теперь страдает, бедняга. Братик сидит, а всякие бреются и по свиданиям ошиваются.— И прямо по ненамыленной щеке бритвой деранула. У меня от страха аж пятки вспотели. «Зарежет,— думаю,— и к братику-хулигану в гости поедет»...

У мужчины от воспоминаний дернулась челюсть и мелко затряслась правая бровь.

— Успокойтесь, товарищ. Не все так страшно и ужасно, как вы тут разукрашиваете.— Демкина раскрыла лежащий на столе журнал.—Вот посмотрите, с какого числа у нас Людмила Белякова. Месяца еще нет. А вы хотите, чтобы она все ваши прихоти выполняла.

— Мне от этого не легче,— ответил клиент.

— Отсталые у вас взгляды, дорогой товарищ. Выходит, вы против нашей системы подготовки кадров? Так вот слушайте. На той неделе, к примеру, пожарники зачеты сдавали. Подожгли, значит, старый дом на снос. Дом горит себе, и они тушить практически пробуют. И пока они его потушили, два соседних учреждения сгорели. Ничего не поделаешь, практика не сразу дается.

— А чтобы голову помыть, тоже практика нужна?— не сдавался мужчина.

— Горячей воды у нас нету. А холодной вымоешь, чего доброго, менингит кто схватит. Между прочим, с водой шутки плохи. Вот в доме, где я живу, одну квартиру водой залило. Труба лопнула. Слесаря три дня вызывали. Когда наконец на пятые сутки он все же заявился, то с ним плохо сделалось. «Ни за какие деньги,— говорит,— туда не пойду. Или у меня белая горячка начинается, или милицию надо вызывать». Вызвали милицию. И все во главе с начальником жэка нагрянули в подозрительную квартиру. Открыли дверь и видят, сидит жилец, а может, уже и не жилец, точно не знаю, на гардеробе и в воде рыбу спиннингом ловит. «Эй,— крикнул он начальнику жэка, — Пятница! Ты почему без дела околачиваешься, а? Робинзон Крузо вкалывает, леща ловит, а ты опять к дикарям убежал». Потом вдруг увидел техника-смотрителя да как заорет: «Пираты! Спасайся, кто может!» И нырнул, несчастный, головой с гардероба под сервант. Увезли. Врачи говорят...

— Кошмар! — Клиент был потрясен.

— А вы еще о чем-то рассуждаете. Год назад в пятнадцатой парикмахерской одному клиенту ухо отрезали. Мастер очки дома забыл, а возвращаться не захотел — дурная примета.

Мужчина с ужасом вслушивался в каждое слово Галины Петровны.

— Это еще что. У нас, правда, до моего прихода, на одну женщину электросушилку надели, а она, эта сушилка, то ли замкнулась, то ли еще что с ней случилось, одним словом, не снимается, и все. Автогеном вырезали!

— Как это вырезали? — содрогнулся мужчина.

— Да разве я помню? Давно это было.— Демкина с укором посмотрела на клиента. — Вот сидите вы у меня, только время свое и мое расходуете зря. Кругом такие страсти творятся, а вы на пустяки внимание обращаете. Подумаешь, уши торчат. Я считаю, что вам здорово повезло. Легко отделались. Как говорится: «Не родись красивым, а родись счастливым».

Мужчина вежливо попрощался и живой и невредимый помчался на выставку, где счастливчика ждала любимая женщина.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Общеобразовательные школы района добились заметных результатов по сокращению числа учащихся из 9—10 классов».

Газета «Серп и молот», г. Клин.

«Ежедневно в 9-00 и 18-00 часов Вы услышите по внутригостиничной радиотрансляции сервис наших услуг».

(Из «Карточки» гостиницы «Свердловск»).
Прислал Б. Тейтельбаум, г. Свердловск.

«1 кабинет принимает заявления на травмы, дожития, расторжения, на кражу, пожары».

(Объявление в инспекции Госстраха).
Прислал Н. Вайман, г. Новосибирск.

Родился в 1952 году. В 1967 году впервые понял, что мое искусство чего-то стоит, когда получил гонорар за рисунок, напечатанный в курганской газете «Молодой ленинец».

С 1969 года совмещаю профессию художника с профессией токаря, слесаря, строгальщика.

Остается добавить, что мечтаю поступить в Московский полиграфический институт.

Петр ВОРОБЬЕВ

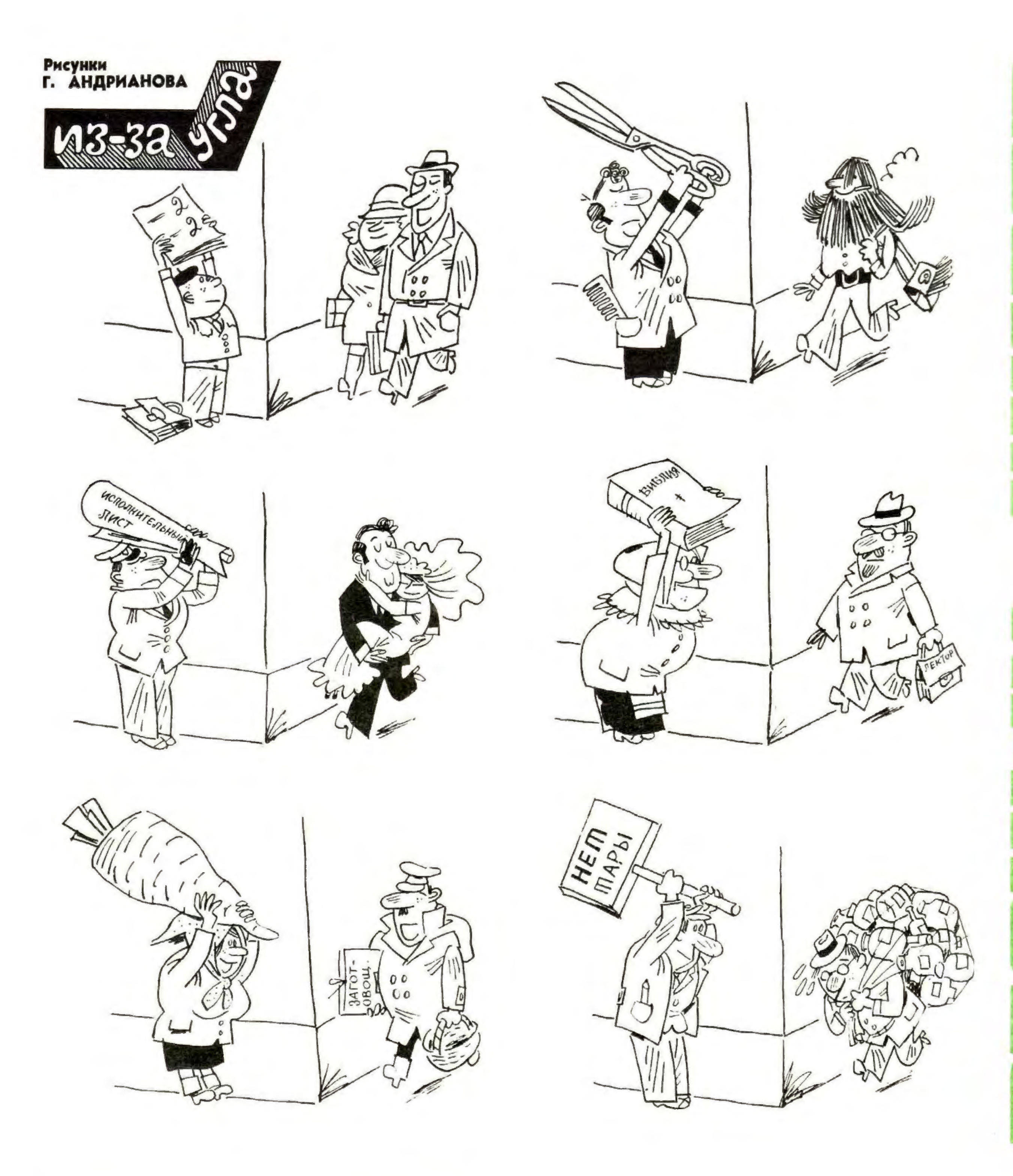
— По-моему, я где-то встречал этого типа!

Разговор на высоком уровне.

— И когда ты наконец перестанешь приводить в дом бродячих животных!

Рисунки Г. АНДРИАНОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«МОРЕ ПО КОЛЕНО»

В опубликованной под таким названием заметке («Крокодил» № 16) говорилось о том, что движение машин по дороге в село Емелево (Горномарийский р-н, Марийской АССР) во время дождей становится невозможным.

Управляющий делами Совета Министров Марийской АССР тов. А. А. Замятин сообщил редакции, что после выступления «Крокодила» произведено осушение местности путем прокладки труб и дренажа. Дорога отремонтирована.

«ДИВАН ДЛЯ СОБАКЕВИЧА»

Как сообщает заведующий отделом бытового обслуживания населения Воронежского горисполкома тов. В. А. Гущин, одноименный фельетон («Крокодил» № 22) обсуждался на собраниях работников сферы обслуживания. Приняты практические меры по повышению квалификации фотографов и парикмахеров, эстетическому их воспитанию. На мастеров парикмахерской № 55 А. Семину и Р. Кретинину наложены административные взыскания с лишением премии.

«ПЕРВЫЙ ОРДЕН»

В одноименном фельетоне А. Никольского («Крокодил» № 22) говорилось о том, как передовую доярку колхоза «Труд», Ферзиковского района, Калужской области, З. Г. Чигиреву представили к ордену «Трудовая слава». Однако, когда дело дошло до вручения ордена, его просто отдали доярке... вместе с очередной зарплатой.

Как сообщил редакции секретарь исполкома Калужского облсовета тов. А. Громов, факты подтвердились. За нарушение инструкции о порядке вручения правительственных наград председателю райисполкома тов. И. Журавлеву строго указано.

Редакция получила ответ и от секретаря Ферзиковского райкома КПСС тов. П. Попова. Бюро райкома строго предупредило председателя колхоза тов. Д. Лапенина и секретаря парторганизации тов. А. Тямкину за ослабление воспитательной работы среди колхозников, неправильное отношение к организации и подведению итогов социалистического соревнования.

«КОНКУРС АПАРТАМЕНТОВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ»

В фельетоне Л. Захарова, опубликованном под таким заголовком в № 18 «Крокодила», рассказывалось о том, как некоторые руководящие работники исполкомов городского и областного Советов депутатов трудящихся отремонтировали свои квартиры за счет государственных средств.

Как сообщил председатель Карачаево-Черкесского облисполкома тов. М. А. Боташев, исполком рассмотрел на своем заседании факты, изложенные в фельетоне, и признал их правильными.

За грубые нарушения правил ремонта квартир заместителю председателя Черкесского горисполкома тов. М. Джаммаеву объявлен строгий выговор.

Начальник управления коммунального хозяйства Черкесского горисполкома тов. В. Серченко освобожден от занимаемой должности.

За ослабление контроля за деятельностью подведомственных организаций начальнику областного управления коммунального хозяйства тов. И. Пелихову объявлен выговор.

Облисполком обязал лиц, сделавших ремонт квартир за счет государства, в кратчайший срок возместить незаконно затраченные средства.

Бюро Черкесского горкома партии за грубые нарушения порядка ремонта коммунальных квартир и использование служебного положения для внепланового ремонта своей квартиры объявило бывшему председателю горисполкома члену КПСС тов. Н. Маслову выговор с занесением в учетную карточку.

За использование служебного положения при ремонте собственных квартир членам КПСС тт. И. Бизикову, С. Баскаеву объявлены строгие выговоры; членам КПСС тт. Т. Савельевой, Г. Каннер, В. Ивашине указано.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Власта СМРЖОВА

Спасение утопающего

Взор слесаря Дворжака померк. Походка стала вялой, руки болтались, как плети. Он таял на глазах, того и гляди — одна лужица останется.

Как бригадир я почувствовала, что обязана поговорить с ним. Я пригласила товарища Дворжака к себе, за стеклянную перегородку в цехе. Пригласила и поставила несколько наводящих вопросов плюс несколько вопросов ребром.

— Что у тебя случилось?
— Ничего.
— Может быть, дома?
— Да.
— Жена?
— Угу.
— Поругались?
— Сбежала.
— Что же ты собираешься сделать?
— Топиться.

Мне стало ясно, что нужно спасать товарища. Хотя бы ради выполнения плана бригадой. Но как? Смешно предлагать человеку, решившему утопиться, чтобы он обтирался по вечерам мокрым полотенцем. Тут необходимо сильное и быстродействующее средство. И вдруг меня осенило!

— Топиться? — переспросила я Дворжака.— Лучше не придумаешь! Топись. Но как сознательный и передовой трудящийся ты обязан сначала сдать спецодежду и инструмент. Обязан?

— Обязан, — депрессивным шепотом согласился Дворжак и стал расстегивать комбинезон.

— Не здесь,— остановила я его. И кивнув на стеклянную перегородку, добавила:

— Мало ли что могут подумать! Ступай на склад.

Завскладом Броунова потребовала, чтобы Дворжак принес ей от бригадира (то есть от меня) справку о том, что он, Дворжак, разорвал правый рукав комбинезона на производстве, а не по пьянке.

Я написала, что слесарь Дворжак вполне мог протереть левый рукав, опираясь на станок, и этим документом здорово осложнила дело.

Броунова отфутболила Дворжака в бухгалтерию, чтобы с него удержали семь крон за амортизацию спецодежды. Бухгалтерия направила комбинезон вместе с Дворжаком к товароведу на предмет определения процента износа. Оттуда Дворжак вернулся в бухгалтерию, а оттуда его послали к Броуновой за справкой об общем наличии старых комбинезонов на складе.

Целый день Дворжак ворочал на складе кипы старых комбинезонов, а Броунова их пересчитывала. Впрочем, быть может, ворочала Броунова, а считал Дворжак. Точно сказать трудно, потому что на двери склада висела бумажка, написанная рукой Броуновой: «Закрыто по случаю переоценки ценностей».

Вечером, ожидая автобуса на остановке возле завода, я увидела товарищей Броунову и Дворжака. Они шли под ручку. С блестящими глазами, задыхаясь от смеха, Дворжак что-то рассказывал своей спутнице. Она звонко и радостно хохотала. А ведь всего три дня назад поведала мне, что готова утопиться с тоски по своему сбежавшему мужу...

Я тоже улыбнулась. Приятно все же спасти утопающего. А двоих сразу — приятно вдвойне.

●

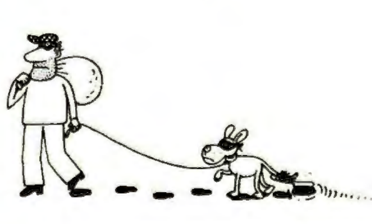

Рисунок Зденека ЖАЧЕКА

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ТРИДЦАТИЛЕТИЕМ!

О круглых датах

В нашей редакции есть обычай — каждые пять лет отмечать круглую дату существования «Дикобраза». Хотите верьте, хотите нет, а длится это уже тридцать лет. И чем дальше, тем больше воспоминаний, хотя очевидцев первых лет становится, увы, все меньше и многие мемуары начинают выглядеть, как шутливые «Записки очевидца» нашего давнего сотрудника Ахилла Грегора: «Как сейчас все помню, все прямо так и стоит у меня перед глазами. Ах, какое было время! Один здесь, другой там, боже мой, сколько же их было! Некоторые пришли в редакцию сразу, другие — потом... Как тот, ну... который был главным редактором. Дай бог памяти, как его звали! Не то Томеш, не то Шебек, как-то, в общем, звали, но это и не так важно.

Особенно остро вспоминаются отдельные случаи редакционной жизни. Помню, например, как однажды шел дождь. Лило с утра и до вечера, но мы остались дома и не промокли... Да, многое пришлось пережить! Вот видите, друзья, вы думали, что я ничего не помню, а я все помню, все знаю!».

Ничего не поделаешь: журналистская работа изматывает, а редакторами люди становятся, как правило, в зрелом возрасте. И это, к сожалению, отражается на качестве воспоминаний. Поэтому стоит, пожалуй, посмотреть на журнал глазами читателя «Дикобраза», перед которым сейчас лежат тридцать толстых томов, 1560 номеров.

Нет возможности перечислить всех бюрократов, бракоделов и иже с ними, всех, кто мешал нашему строительству, кого «Дикобраз» из номера в номер насаживал на свои острые длинные иглы подобно тому, как советский «Крокодил» вонзает кому следует свои вилы в бок.

Неустанно улучшалась — вместе с содержанием — и внешность журнала. На смену черно-белым рисункам пришло радужное многоцветье, наши художники получили новые широкие возможности. Восьмистраничный журнал уходит в историю: сейчас на новой машине стал печататься шестнадцатистраничный многокрасочный «Дикобраз».

Сменой оформления «Дикобраз» отметил на днях свое тридцатилетие и готов с новыми силами помогать строить наше социалистическое общество!

Индржих БЕШТА, главный редактор чехословацкого журнала «ДИКОБРАЗ».

Спиритический сеанс чилийской хунты.
Рисунок КАНСКОГО-ЗЕЛЕНКИ

Смешное о юмористах

Ярослав Гашек частенько рассказывал не только о приключениях бравого солдата Швейка, но и о своих собственных.

— Почему вы не ведете дневник? — спросили его.

— Какой там дневник! Мои приключения происходили в основном по ночам!

После войны Ярослав Войтех — известный чешский сатирик, бывший редактор «Дикобраза», учился в Ленинграде. В документах у него значились только имя и фамилия. Ленинградцы, люди вежливые, никак не могли привыкнуть называть его без отчества. Наконец, к нему стали обращаться так: «Ярослав Дикобразович».

Рисунок Вл. ПАЛЕЧКА

Рисунок Ярослава ПОПА

Франтишек ЯНУРА

ДЕД И ШЕЛЬМА

Случилось это четверть века назад, когда я готовил материалы для своей книги «В цирке». Ранним утром на маленьком полустанке я вместе с дрессировщиком ждал поезда, на котором ехал директор цирка, с тем чтобы за те несколько минут, пока простоит здесь поезд, обсудить предстоящую гастроль. Ничего бы, конечно, не произошло, если бы дрессировщик был один. Но он не расставался с красивым молодым тигренком, ходившим за ним всюду, как собачка, на поводке. Тигренок был смирный и обещал вскоре стать «звездой» цирка.

— Надо будет купить ему новый ошейник,— сказал дрессировщик.— Этот совсем растянулся.

Только он произнес эти слова, как над нами, на высокой платформе, появился какой-то старик с трубкой в зубах. В руках он держал ведерко с краской и кисти. Почти до земли с груди деда спускался закапанный белилами фартук.

— Красивая шельма! — произнес восхищенно дед, вынув трубку изо рта и показав ею на тигренка.— Ни один маляр таких полосок не наделает! А вдруг, шельма, на кого-нибудь прыгнет?..

Зверь на звук его голоса поднял голову и, прищурив изумрудные глаза, взглянул на старика. В этот момент повеял ветерок и фартук деда, зашелестев, вздулся и затрепетал.

На тигра это произвело то же впечатление, которое оказывает на обычного домашнего котенка комочек шуршащей бумаги на нитке. Он ловко вывинтил голову из разношенного ошейника и — не успел дрессировщик глазом моргнуть — вспрыгнул на платформу.

Но дед не растерялся. Бросив трубку и ведро с кистями, старик с несвойственной его возрасту резвостью рысью пустился наутек. Тигренок — за ним. Дед сменил рысь на галоп, но тигренок не отставал.

— У-у, шельма! — взвизгнул старик и, желая обмануть тигренка, сиганул с платформы на шпалы.

Тигренок мягко прыгнул за ним.

Страх придал деду прямо-таки спортивную ловкость, и он, взмахнув злосчастным фартуком, вновь вскочил на высокую платформу. Секунду спустя, тигренок грациозно повторил его маневр.

Дед сменил аллюр и уже карьером ринулся к старому складу в конце платформы, в котором был свален шлак и мусор. Преследуемый по пятам тигром, он перекрестился и с разбега нырнул прямо в кучу золы и мусора. Тигренок исчез там же. Над кучей поднялось серое облако пыли.

Мы с дрессировщиком, трясясь от страха, подбежали к складу.

Минуту спустя, отфыркиваясь и чихая, из кучи вылез тигренок. В зубах у него болтались обрывки фартука.

Мурлыкая, он улегся у ног дрессировщика, тут же надевшего на него ошейник.

Куча мусора зашевелилась, и оттуда, кряхтя, вылез дед.

Перепуганный дрессировщик кинулся к нему, ощупал улыбающегося старика с ног до головы и закричал:

— Да он целехонький!

— А вашей шельме, оказывается, только мой фартук понадобился! — усмехнулся дед, запихивая в карман пятидесятикроновую бумажку, которую ему на радостях всунул в пятерню дрессировщик.— Вот только бы вы моей старухе подтвердили, что я с тигром сражался. А то, когда я ей расскажу, она, как всегда, заворчит: «Опять со своими дружками пива напился и в грязи вывалялся!» Ведь не поверит, ей-богу!

Долго бы мы с дрессировщиком и дедом смеялись, если бы не обнаружили, что поезд, которого мы целый час дожидались, уже ушел.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

КРОКОДИЛ

№ 30 (2148)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Г. Андрианов, М. Битный, Ю. Ерофеев, В. Мохов, К. Невлер, В. Птицын, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тильман, Ю. Узбяков, А. Чикарьков.

Главный редактор

Е. П. ДУБРОВИН

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

■

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 29/IX 1975 г. А 00923. Подписано к печати 9/X 1975 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 850 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 564 100). Изд. № 2490. Заказ № 1213.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448.

Рисунок В. ШКАРБАНА